

Антология современной поэзии

Выпуск 13

2013

Многомоче...

Многоточие...

Выпуск 13

2013

Дорогие читатели!

В тринадцатом выпуске антологии современной поэзии «Много-точие...» вы найдете как произведения наших постоянных авторов, так и произведения тех, кто впервые публикуется в сборнике «Многоточие...».

Традиционно в сборник включены избранные произведения авторов, а сам сборник не является узкотематическим, что позволяет публиковать на его страницах не только стихотворения в их традиционной форме, но и, например, такое, не совсем привычное русскоязычному читателю явление, как японский сонет.

В разделе «Избранное» вы найдете произведения авторов, которые неоднократно становились победителями и призерами различных международных поэтических конкурсов. В сборник включена подборка обладателя литературной премии «Автор года 2012» Сергея Ворошилова, чье стихотворение «Зверобой» украсило четвертую страницу обложки.

При подготовке четвертой страницы обложки была использована картина «Книга твоей души», автором которой является Галина Мальцева /Маркус/.

Желаю вам приятного путешествия по миру современной поэзии...

С уважением,
Составитель антологии современной поэзии «Многоточие...»
Сергей Глухов

Ольга Абайкина

г. Москва, Россия

Из цикла «Бредущая по граблям»

Перенесу огонь через порог

Перенесу огонь через порог,
Перетащу тоску через забвенье,
И встану в перекрестие дорог,
Как сотни баб до моего рожденья,

Чтоб лодки заблудившейся весло,
Как кобылицу с поседевшей гривой,
Направило, но не туда, где мне везло,
А в дикий край, где можно быть игривой.

Чтоб воскресить в своей больной душе
Всё то, над чем сегодня горько плачу,
То, что не радость мне даёт уже,
Но принесёт, как истину, удачу.

Всё то, над чем Ты произнёс: «Убей!»,
Над чем могли смеяться только боги,
И запущу, как белых голубей,
Огонь любви через Твои пороги!

«Горим!» - воскликнет резвый пилигрим,
Как эхо, повторив абсурд за фавном –
Тогда с Тобой мы и поговорим,
Прости меня за всё, как с равным!

Как тайга, мой зарок дремучий

Как тайга, мой зарок дремучий
Неожиданным сном накрыл.
Сокол выживет, если случай
Не обоих лишает крыл.

Помню давний совет: не мучай,
Холоднющий, как летний лёд,
К нашей занятости кипучей,
Притулил, как костыль: умрёт.

Жар в ладонях и трепет тельца,
Он любому созданию рад,
И дарует, как клад: надейся,
И агонии в пальцах хлад.

А ещё, с замираньем сердца,
Ожиданья хмельной бальзам,
Когда должен бы разгореться
Еженощный закат: воздам.

За мечтой ветерком над кручей,
Жизнь изменчива и долга,
Я лечу, как всегда везучей,
Но дремучей, аки тайга!

Что делать мне с божественной искрой

Что делать мне с божественной искрой,
Занудной и привязчивой, как муха,
Что столько лет твердит: уста раскрой
И говори, куда хватит духа.

Вещала бы и всем, и одному,
Слова для слуха – истая услада,
Но Ты прости, никак я не пойму:
Зачем, коль Знанья никому не надо.

Осенней ночи прожигая тишь,
Своим величием пригибая травы,
Ты мне в ответ божественно молчишь,
Божественно молчишь мне и лукаво.

Затуманилось, задождило

Затуманилось, задождило,
К холодам развернулся год.
И невзгод крутой воротило
Держит курс на торги погод.

Там с теплом для нас непонятки
В ситуации недостат,
А с купца даже взятки гладки,
Виноватого сам назначь.

Надо б как-то менять порядки,
Хоть на время вернуть теплынь,
Наступает зима на пятки
Дерзкой осени: поостынь!

А какие вам будут святки!,
Если грустно, давай, поплачь:
Бабье лето – мужчины падки,
Что смеяться, на старых кляч.

Срок недолог, надежды шатки,
Нерешенных полно задач,
Только тянут сей воз лошадки
На зарю, чей горяч кумач!

Средь буйства зелени и света

Средь буйства зелени и света,
Как будто горькая вина,
Засеребрила ива ленты,
Иль ранней боли седина.

От ветра вздрогнула: не мучай,
Спрячь в разноцветие садов.
А он, назвав её плакучей,
Распутался и был таков.

Стёр вечер мысли о желанном,
Навеянные мне весной,
И думы растеклись туманом
По тропке узенькой лесной.

А ночью все, как кошки, серы,
И надо бы уже домой
Но серебро раки, как веры
Поклон о помощи немой.

Под утро, распрощалась с ивой,
Не разгадав её секрет:
Как, почему бесчестно-сивый
Питает благородный цвет...

Весну я уверяла, что блесну

Весну я уверяла, что блесну,
Когда отплачусь, перлами по нервам,
То к Богу обращаясь, то ко сну,
Греху зарокотом отдавалась первым.

Без зависти тепло поговорим
О недопетом обещала летом.
Душа, страдая мороком вторым,
Себе простила оба их дуплетом.

У осени просила: осени
В златых перстнях стареющие плети,
Верни желанье жить в хмурные дни,
Каким оно бывает в первой трети.

За сим, не зарекаясь в стужу зим,
Как символ лет, и осеней, и вёсен,
Мы веру в свет с любовью водрузим,
Надеясь, что не будет повод слёзен.

На меня набросилась природа

На меня набросилась природа –
Ветром в душу рвётся через тело,
Машет ветками несчастная погода
И скулит, что всё ей надоело.

Хватит ныть, почти уговорила:
Дашь тепла, я выберусь на дачу.
Прослезилась дождиком так мило,
Что я с ней поверила в удачу!

От декабря и до апреля

От декабря и до апреля
Через метель, через капель
Не месяца, и не недели,
Как вековую канитель,

Тяну по дням свои печали
И по ночам свои псалмы,
Часы в тоске, что к счастью мчали;
Но зацепились за умы:

О времени, когда не прели,
Не чахли, а пускались в рост
Мечты под тоненьки трели,
И путь был ясен, прям и прост.

О людях, что их нам дарили,
Без устали, минуя страх,
Но па финальное кадрили,
Им выдало лобзанье плах.

Надежды юности казнили,
Надежды старости спалив,
Чтоб аромат смешной ванили
Вскрыл, душу тянущий, нарыв.

Попричитав над ними длинно,
Слезу пуская по щеке,
Пробил кордоны формалина
Луч света в самом ... далеке...

И пусть не пить того вина им,
Я верю, прожили не зря
Все те, кого мы поминаем
С апреля... и до декабря...

Утро начиная с анальгина

Утро начиная с анальгина,
Ряженки и «Господи, спаси!»,
Ближих вспоминаю слёзно, длинно
С верой, что услышат Небеси.

Боль за них душой переносима
На Того, кто вызывает боль,
И молю верховного «сим-сима»:
Ты сезам открой, услышь пароль.

Для себя давно ничто не мило,
Радость – только благо для родни.
Часто вспоминая то, что было,
Я молю: Спаси и сохрани!

Я знаю: огонь, что пылает в груди

Я знаю: огонь, что пылает в груди,
Покажет, что ждёт, что грядёт впереди.
Я знаю, как всякий любитель салата,
Что жертва всегда пред зверьём виновата.

Я знаю, как тварь, что её стерегла,
Могу защитить, чтоб растаяла мгла.
Я знаю: не только могильные плиты
Ложатся к итогу решением: квиты.

Я знаю, что золото дороже, чем медь –
Больнее терять, чем совсем не иметь.
Я знаю: сотрутся и даты, и лица
Для тех, кто научится сердцем молиться

Я знаю, что фатум, игравший душой,
Не больше, чем ложь за ушами лапшой.
Я знаю, как мало в страдании смысла –
Бесцельность туманом молочным зависла.

Я знаю, что Тот, Кто затеял игру,
Нередко спешит со Своим: заберу.
Я знаю: всесильный не может быть слабым,
Он тем уподобится детям и бабам.

Я знаю, что Слово дороже пилюль,
Осталось решить, как признаться: люблю ль
Настолько, чтоб ангел, умывшись в крови,
Про утварь молчанья промолвил: сорви!

И в грохоте ваших отъехавших крыш
Родится приказ умиления: услышь.
Но знаю, как жук, что кормился в помёте,
Вы, к счастью, увы, ничего не поймёте!

Из цикла «Шок о ладушки»

Я бегала к тебе украдкой

Я бегала к тебе украдкой,
Твой каждый взгляд душа ловила,
Кокетливо играло прядкой
Твоих кудрей небес светило.

Когда уходит наносное,
Являя суть в сухом остатке,
Мы очарованной весною
С судьбою затеваем прятки.

Но я очнулась честь по чести,
Из сердца вырвав, как закладку,
Слова, что не бывать нам вместе,
А остальное... Всё в порядке.

Молчал ты, как на лобном месте,
Приговорённый ложью сладкой,
Ей защищая то, что крестим,
Снабдив невинное облаткой.

Но ни обману, и ни лести
Не зачеркнуть отрады краткой –
Прошу, с советами не лезьте,
Вздыхая над моей тетрадкой!

Ожидание с безнадёгою

Ожидание с безнадёгою
До сухого осадка выжали
Душу, прежде зарокотом строгою,
Ныне робкую: к Богу ближе ли?

Всю в сомнениях без раскаянья,
Вдоль по прошлому без причастия
По грехам побродить отравила:
Попытать неземного счастья!

Ты своей не назвав пригожую,
Как еврею в кровавой лужице
Проявил любовь с кислой рожею –
Я старею, теперь не сдружится...

Всяк свою идёт дорогою,
Рок на лица роняет палицу,
Я былого давно не трогаю,
Чтоб хвалиться, и паче каяться.

Цикл «Изумруд городин»

Во всех направленьях раскиданы грабли

Во всех направленьях раскиданы грабли.
Во всех отношеньях ступаю по ним.
Во всех приключеньях удары ослабли.
Во всех прегрешениях душу храним.

Ко всем направлениям тянутся дроги.
Ко всем отношениям липнет молва.
Ко всем приключениям лики убоги.
Ко всем прегрешениям с Ним и права.

По всем направленьям открылись истоки.
По всем отношениям гнёт тишины.
По всем приключеньям герои жестоки.
По всем прегрешениям мы прощены.

Со всех направлений ухмылка тупая.
От всех отношений клеймом: не жалей.
Из всех отношений уйди, уступая.
Для всех прегрешений полно и граблей.

И без исключения мои прегрешенья
Осилены, приняты все и сполна,
И я испросила б за них всепрощенья,
Да, только ли истинна будет вина...

Лето жаркое. Я вся в белом

Лето жаркое. Я вся в белом,
Ты, как водится, весь в поту.
Дурь возникшая между делом:
«Будь моею!» – «Валяй, Иду!»

А потом завели метели
Канители сплошных разлук,
Мы хотели, да не сумели,
Пыл былой, как костёр, потух.

Раздобрел ты, покрылся салом:
В путь не хочется – гололёд,
Нам бы встретится. Я вся в алом,
Только сердце любви не ждёт.

На танец ветра в облаках

На танец ветра в облаках
Мир пробуждавшийся взирал.
Осенней ночи дикий страх
Ссыпал за горизонт астрал.

Душа, блуждавшая во снах,
Зевая, выпала в туман,
В сердцах всех проводила на х...,
Сама в себе сокрыв обман.

Ей заварила крепкий чай,
Себе плеснула коньяка,
Тебе – желанное: «Встречай!»
Теперь приду наверняка.

Совокупляясь облака
С туманами твоих седин,
Зачали день, в каком века
Сольются в жёлтый мандарин.

Я тебе подарю всё, что есть у меня

«Я тебе подарю всё, что есть у меня,
Чего нет, всё равно, подарю» –
Это кредо моё, как в весну зелена,
Поднималась душа к алтарю

Никогда, никого, ни за что не кляня,
Загоралась, горела, горю,
Но сомненья всё чаще терзают меня:
Уподобиться ль долго псарю.

Не удержат любовь ни даров якоря,
Ни шикарных харчевен меню,
Научусь принимать, поклоненье творя,
И дарителя не прогоню.

Только миг отделяет тебя от меня,
Как порыв декабря к январю,
Я б тебе подарила им мир, и коня,
Но очухалась: благодарю!

Стадо держит пастух. Стае нужен вожак

Стадо держит пастух. Стае нужен вожак.
Птицам – перья и пух. Людям – совесть и враг.
Богу – вера и дух. Чёрту – мера и грех.
Славе – голос и слух. Людям – горе и смех.
Жару – искра с огнём. Хладу – вечность с льдом.
Людям – ночью и днём песня, дети и дом.
Гаду нужно тепло. Рыбу держит вода.
Татю, чтобы везло. Мигу – всё и всегда.

Татьяна Бенд

г. Париж, Франция

Романс

Осталась тихая печаль,
И в прошлое уходят лица,
И счастьем долго не продлится,
Пустой мечтой не манит даль.

Твое дыхание во мне
Трепещет раненою птицей,
И жалобно любовь стучится
Под сердце, сладостно, извне.

Блеснет закатною стрелой,
Последний луч земной надежды,
И в крестословице невежды
Замрет словесною золой.

Спадает синяя вуаль,
Скрывая слез слепящий бисер,
И в волнах, что оставит глиссер
Растает тихая печаль.

Мне нравится

«Мне нравится, что Вы больны не мной...» Марина Цветаева

Мне нравится делить с тобой мечты,
Когда желанию подвластно время,
И прошлого сжигаются мосты -
Прозрачных снов скучающее бремя.

Мне нравится любить тебя всего,
И в кротком теле разжигая пламя,
Качаясь в такт, так нежно, в унисон,
Раскрыть души синеющее знамя.

Люблю я твой задорный, бойкий нрав,
Характер своевольного героя.
Мне нравится гулять с тобой, избрав
Песчаный берег с запахом прибоя.

Спасибо за заботу и любовь,
За то, что к счастью возвращаешь смело
Судьбу мою, и страсть мою готов
Испить до дна, без страха, без предела.

Летящая по волнам памяти

В эту ночь полнолуния свежего ветра глоток
И бегущие мимо оранжевых туч вереницы
Отнесли меня к морю, где волны ласкают песок,
И Лилит освещает в постранственном времени лица.

Эта странная ночь, как оазис среди шумных пустынь,
Соединила в «нигде» мое время с тем нашим, в Элладе.
Если б помнил и ты, как синела под Солнцем полынь,
Когда юными мы расставались на острове Ладе.

Я лечу по волнам нашей памяти, верный эллин,
Знаю точно, что ты не узнаешь меня в этом мифе...
Сколько вод утекло по страницам забытых былин...
Ты звонишь?!...- Mi Amor, я звоню тебе из Tenerife.

Лилит в пути

Янтарем разливается зной,
Луч шарфом обвивает мне шею,
Я стою пред тобой - в горле ком,
Даже вымолвить слово не смею.

Кто сказал, что свободной Лилит
Хочет быть? Это только бравада.
-Будешь яблоко? - голос звенит.
Откушу - соком брызнет отрада.

Знаю я, что возврата мне нет:
Не назваться мне Евой опасной,
Не нарушить опальный завет -
Быть скиталицей, девою страстной.

Рвется ввысь из стесненной груди
Звук молитвы к заступнице мира:
Слышу - счастье мое впереди,
С каждой нотой из «Аве Мария».

Гадание со свечой

Мне бы нежиться, не манежиться
В сочной нежности глаз твоих,
В твоей верности... в неизбежности
Испросить ответ для двоих.

Знаю точно я ... Или чудится?
Вижу белых лилий венки...
Все что сбудется - не забудется,
А не сбудется - не зарок.

Зарекалась я - не любить тебя,
Только, видно, одна река
Подхватила нас и не вырваться
На кисейные берега.

Сладки омуты, ураганов сонм...
Укрошенный огонь утих,
Успокоюсь я и забудусь сном,
В колыбельных руках твоих.

Кровавые гиацинты

Золото Солнца в узорах сережек твоих,
Камни пурпурные, о, луноликая дева,
Аквамариновый взгляд из-под длинных ресниц:
Счастье разбужено смеха звенящим напевом!

Заворожила...я сердцем ловлю твою тень,
Издали наблюдая за грацией тела,
Что же я трушу и прячусь под гордости сень,
Тайно мечтая, чтоб ты на меня посмотрела?

Что ж, я решился приблизиться, хоть Аполлон
Сделал подачу Зефиру для смертного финта **,
Ты все гарцуешь средь нас, обреченных на стон,
Не замечая, как капает кровь с гиацинтов...

** Камень гиацинт часто связывается с несчастной любовью.*

*** Согласно распространенной версии мифа (см. Лукиан. «Разговоры богов») об Аполлоне и Гиацинте, одержимый ревностью, бог западного ветра Зефир, увидев Аполлона, обучающего Гиацинта метать диск, изменил траекторию полета диска, слегка подтолкнув его. Диск отскочил от земли и нанес Гиацинту смертельную рану. И тут же кудри Гиацинта стали прекрасными алыми цветами, а кровь, пролившаяся на землю, окаменела и превратилась в драгоценные самоцветы удивительной красоты.*

Жемчуг и синь

Для тебя облачусь в шелка,
Нежность жемчуга к горлу - нить.
Жарким вечером страстным жить
В синих отблесках, в облаках.

Я алмазами глаз блесну,
Ты нарушишь не свой обет,
Соблазненной молнии свет
Я верну тебе, как блесну.

Мне русалкой не стать пока -
На двоих съели рыбий хвост -
Пусть закончится долгий пост,
Растянувшийся на века.

Я устала от всех утрат,
Ало-красным не станет миг:
Там, где прячется страсти крик,
Голубые поют ветра.

По спокойной моей судьбе
Звон стекла - колокольный звон,
Каллиопа* запишет стон
И издаст его на трубе.

**Каллиопа - муза эпической поэзии и науки, изображается с трубой, дощечкой (вощенной) и стилем (античные письменные инструменты).*

Прогулка по Парижу

Париж, Париж, ты все стоишь под зонтиками крыш,
А я гуляю под дождем одна, с тобой вдвоем.
Пойду-ка я по мостовой от Оперы Гарнье
По Авеню де Опера' да к Лувру, да к реке.
Вот Сены нежная рука в браслетах из мостов,
Я влево - путь держу туда, где Нотр-Дама кров.
Вхожу под своды старины, как из волшебных снов,
В душе молитвы рождены рядами стройных строф.
Париж, Париж, подаришь мне мечту мою легко,
Когда в английский магазин зайду « Шекспир и Ко».
Я легкомысленно пойду на встречу к Тур Эйфель,
Закружит голову мою огней вечерних хмель.
Париж, Париж, ты все хранишь ушедших дней престиж,
И также манишь и дивишь обилием афиш.

Вернись, вернись...Романс

Вернись, вернись...Так долго мы в разлуке,
Вдоль Сены без тебя бреду одна,
И память оживляет сладость муки,
И в душу льет холодный свет Луна.

Тем майским днём твой взор коснулся сердца,
И пошатнулась, вдруг, земная ось,
И в пеньи птиц стремительное скерцо
Внезапно в тишине оборвалось...

Я помню миг, когда исчезли тени,
И замер мир вокруг влюбленных нас...
Здесь у воды паду я на колени
И вымолю у Бога встречи час!

Сергей Бузычкин

г. Астрахань, Россия

Блюз о блюзе

Блюз – это то, что рождается тёмной ночью.
Блюз – это то, что приходит с соседних крыш.
Блюз – это то, о чём говоришь между прочим...
Блюз – это то, о чём прочим не говоришь...

Струны дрожат, и нервы дрожат, как струны.
Верю - придёшь ты, и мы этот мир зажжём!
Из миража являясь дорожкой лунной,
Ты на рассвете становишься миражом,

Призрак Джульетты, Офелии, Дездемоны,
Музы, что требует легче стать, воспарить.
Снова звучит в ушах колокольным звоном:
«Ну же, проснись, вставай, начинай творить!»

Блюз вырывается. Он набирает силу.
Блюз изнутри разрывает на сто частей.
Не удержать этот взрыв килотонн тротила.
Не изложить на листе или на холсте.

Нота за нотой – тянет клещами душу,
Каплю за каплей льёт кровь на нотный стан
Блюз. Кто вампиром блюза вчера укушен,
Завтра с гитарой – в путь по «святым местам».

Эти мучения, пытки – моя награда.
С ними жить тяжело, а без них – никак.
Вряд ли усталый мозг приведу в порядок,
Вряд ли сумею в сердце понять бардак.

И ночь за ночью могут идти повторы.
Не понимая, куда и зачем стремлюсь,
Буду искать мажора баланс с минором.
Буду... Пока живу... И пока есть блюз.

Охотники на драконов

Все рыцарями мнят себя напропалую.
Спешат седлать коней, доспехами гремя.
Стараясь показать посадку удалую,
На резвом скакуне гарцуют без стремян.

Чудовищ убивать спешат и жаждут славы.
Пытаются везде найти себе врагов.
У общества принцесс испорченные нравы:
«Дракона победил – герой!»... Вердикт таков.

Продвинуться в толпе – желание так остро.
Польётся кровь, и ей мы жажду утолим.
Став лидером, скорей пойти в поход на монстра.
А монстром будет кто? – Потом определим...

Соперника нашёл, чудовищем назначил.
И хочешь побеждать его во всех боях.
Не озабочен и ничем не озадачен,
Готов поднять свой меч. Решай, судьба твоя...

Ты хочешь первым быть? Ну что ж, вполне резонно...
Но помни, есть во всём логическая связь.
Убил дракона? – Сам становишься драконом.
И на тебя, дракон, охота началась!

Тишина и дзэн

Готически прекрасна тишина...
Недостижима и непостижима.
Вне споров, политических режимов,
Вне времени с пространством – лишь она...

Представить сложно: лучшим из умов
Не отвлекают мысль чужие крики.
И дуракам, и гениям великим
Ласкает слух отсутствие шумов.

Нет в городе уснувшем ничего.
Ничто в природе звука не проронит.
Загадка дзэн – хлопок одной ладони.
Как хочется услышать мне его...

Свобода и мы

Связаны узами, стянуты лентами,
Скованы чувствами амбивалентными.
Внешне – свобода, внутри же – пленение,
Груз чьих-то мнений – на собственном мнении.

Мыслим избитыми стереотипами,
Будто прошиты банальности чипами.
Словно нанизаны на точку зрения
Не моего «моего поколения».

Не восторгаясь красивыми рифмами,
Мозг загружаем одними тарифами.
Ни игроками не став, ни арбитрами,
Мир измеряем рублями и литрами.

Счастье добыв алкоголем и «коксом», мы
Стали уже для себя парадоксами –
Головы светлые с думами чёрными...
Делай, что хочешь, но мы – заключённые.

Пойманы бизнеса цепкими лапами,
Бьёмся – кровь из носу – души царапаем.
В лампах карьеры являемся джиннами,
Но всё равно мним себя Аладдинами.

Всех тех, кто стал и не смог стать элитами
Время накроет могильными плитами,
Разными шедших по жизни дорогами
Между собой примирит некрологами.

Так, на пути от рождения к старости,
Просто поддаться тоске и усталости.
И подчинившись рутине и бренности,
Мы забываем про вечные ценности.

Но, несомненно, бывает иначе и
Мы задаёмся другими задачами.
Знаю одно – что пример человечности
Переживёт нас – останется в вечности.

Посвящение шуту

*Шут достал всех! Шут заставил плакать!
Жизнь шута – прелупая игра!
Не пора ль шута того на плаху?
Ой, пора!
Александр Кабин (С)*

– Скоморох, ты в шумном балагане
Над толпой. По лезвию идёшь!
Берегись! Удача вдруг обманет...
Упадёшь!

– Арлекин, на площади дворцовой
Дразнишь власть, колпак свой теребя?!
Думал, плетью не достать свинцовой
До тебя?

– Ох, паяц, конец уже так близко –
А Фемида не всегда слепа...
Ты ведь представитель группы риска...
Ждёт толпа.

– О судьбе своей, о странном роке,
Помолчи! Тебе дорога в ад!
Ты считал, в колоде главный – Джокер? –
Виноват!

– Каяться не хочешь? Что ж, тем паче!
Вызвал без того ты неприянь.
Те, кто был тобою околпачен,
Ждут здесь казнь...

32

Тридцать два года, как карты в игральной колоде,
Собранной для преферанса умелой рукой.
Время сдаёт их. Сезон умных игр проходит.
Бросить игру? Отступиться? Уйти на покой?

Год тридцать третий – он лишний? Он – джокер? Пустышка?
Тьма вариантов, и выбор не ясен пока.
До тридцати – был весёлым азартным мальчишкой.
А в тридцать шесть – буду взрослым играть в дурака.

Время тасует за окнами карты пейзажей.
С виду приятен наш мир, но внутри – ядовит.
То, что находится в прикупе, обескуражит.
Масть, что объявлена козырем, не удивит.

Есть ещё разные игры...У всех свой регламент,
Правил не сможет нарушить ни шут, ни бунтарь.
Хуже – когда время карты сдавать перестанет...
Ведь самый строгий крупье – отрывной календарь...

Монолог старого поэта

Труда недели, лишь строчки ради.
Листом я чистым, как к высшей мере,
Приговорён – пустота в тетради.
Во всём – не Моцарт... Во всём – «сальери»...

А раньше мог создавать легко я
Из пары букв – хоровод феерий.
Но музы бросили. Стал изгоем.
Во всём – не Моцарт... Во всём – «сальери»...

Талант исчерпан? Он канул в Лету?
Как Станиславский, кричу: «Не верю!»...
Не может быть! Он же есть. Был где-то...
Во всём – не Моцарт... Во всём – «сальери»...

А где же искра? Ужель исчезла?
Разгечь мне нечем костёр мистерий.
Бессильно вновь опускаюсь в кресло.
Во всём – не Моцарт... Во всём – «сальери»...

И боль не глушат таблетки «Найза»,
Лишь в голове - гулко, как в пещере.
Признать обязан, как ни старайся,
Во всём – не Моцарт... Во всём – «сальери»...

Подъём с падением часто рядом.
Разочарован в любви и вере.
И, отравляя сомнений ядом
Себя, из Моцарта стал «сальери»...

Диалог с Фаустом

Фауст, ты договор подпиши
И живи, как король, в этом мире!
Пачку акций бессмертной души
Просто мне передай - и в эфире
Всех каналов (ТВ, Интернет
И на радиостанциях тоже)
Будешь ты! Ты - герой! Ты - поэт!
Всё, о чём ты мечтать только можешь,
Станет тут же доступно – легко.
Только подпишись, и сразу же слава
Вознесёт на вершину рывком,
Обгоняя завистников. Bravo!
Для судьбы своей ты - Господин!
И всегда - состоянье экстаза!
Подписали уж все. Ты один
Мне статистику портишь отказом.
Ну же, парень, решай! Не ершись,
Неужели мечтаешь о рае?
Пачку акций бессмертной души -
Больше я не прошу, ты же знаешь.
Аргументы все очень просты.
Так чего ж ты молчишь, словно рыба!?
Фауст камнем навеки застыл,
Не сумев сделать сложный свой выбор...

Сергей Ворошилов

г. Петрозаводск, Россия

Белым мороком

Вихрем-тороком, белым мороком
закружило даль за селом.
Уравняло ширь во все стороны,
тракты торные замело.
Вместо росстаней гладью простыни
вьюжным вымыты языком.
Жжёт метель глаза, жалит осами,
жаждет справиться с седоком.

За деревнею дебри древние.
За деревьями хмарь тайги.
Чем темнее гай, тем напевнее,
тем тоскливее вой пурги.
Дышит раменьё снежным пламенем,
кроет замятью санный путь.
Ох, не зря вечер снилось знаменьё:
белый ворон мне бился в грудь.

Вольной птицею, кобылицею
в сизом мареве мчит луна.
И ни зёрнышка, ни былицы ей
ведь не надобно. А она
знай, себе летит. Вечный век, поди,
на людей струит свой елей.
Я в ночи один. Милуй, Господи!
Милый Господи, пожалей.

Ноябрь в Заонежье

Где средь воды несут дозор
три валуна с моренной груды,
утих, закашлявшись, мотор.
Покой и гладь у рыбной луды.
Молочен воздух.
Пеленой
с небес свисают гроздьё снега,
а в дно кижанки подо мной
скребётся сонное Онего.
В тиши весла унылый всплеск,
глухое звяканье уключин.
То ль чешуи зеркальный блеск
глаза слепит,
то ль снег колючий...

Плыву я будто в небесах,
попав под саван белоснежья.
Шуга шуршит ли,
голоса
ушедших душ из Заонежья.
Скатало небо в снежный ком
что есть и быть могло вначале:
хоть с предком не был я знаком,
но вместе нас волна качает.
Крещённые одной водой
мы грезим
в думах о Завете,
и Пётр апостол молодой
рукой нам машет, ставя сети.

*Луда – отмель на озере (карельск.)
Кижанка – тип лодки жителей Заонежья*

По Первоledью

В луч несмелый пухом белым осыпается снежок.
Поутру спешат карелы на озёрный бережок.
Осторожною походкой проверяют тонкий лёд.
Знают все - по первоledьку окунь бешено клюёт.

Холод вдарил раньше снега, в самый раз достать пешню.
Пригорюнилось Онего – приморозило клешню.
За три дня от Вознесенья встал припай до Повенца,
Как по щучьему веленью, на потеху удальцам.

Застеклило поздновато: на дворе уже январь.
Над деревней дыма вату солнце красит в киноварь.
Первый лёд колышут воды, будто нянчат малыша.
Дед Иван, забыв про годы, лунки рубит, не спеша.

Лунка первая... Вторая... Лёд со спичку. Мать честна!
Видно как в воде играет самодельная блесна.
Стужа лезет под одёжку. Гулким эхом стонет лёд...
Оп! Упрямую рыбёшку дядя Ваня достаёт.

Смолит ласково со взгорья стародавнее село.
Через радость, через горе жизнь течёт смертям назло.
- Что ж, дядь Вань, давай за рыбку! С полкило, поди, горбач!
Расцветает дед улыбкой: «Водку лить али первач?»

Осенние колокола

Голосом осени
небо расколото.
В куполе гулком колотится колокол.
Мысль покрывается кожей гусиною:
Хватит хвататься за землю осиною.
Машет, зовет меня облако белое.
Вырваны корни.
Не чувствую тела я.
Голос гортанный,
ничто человеческого.
Крылья растут
за спиною,
у плеч моих.
Звуки призывные.
Стаи гусиные.
Вот оно небо - тревожное, синее,
где рассыпается птичья
бессонница,
где голосит колокольная
звонница,
где над земными безликими лицами
я воспарю с перелетными птицами.
Смилуйся, Господи!
Что же я делаю?
Крылья упругие.
Взмахи несмелые.

Перышко

Опять топчу палитру листьев
В краю нехоженых дорог,
Ища среди рассветов лисьих
С небес упавшее перо.

Ищу привет в недавней кроне
От тех, кто временно не здесь,
Кто, пролетая, мне уронит
Иной земли скупую весть.

Я жду посланье милой птицы.
(Друзей по зову узнаю).
В туманной дымке вижу лица
И юность светлую мою.

Ищу в краю заросших просек
Земной любви небесный след,
Где к старой липе цветом в осень
Склонился клен на склоне лет.

Все что любил я, не случайно:
И шепот шелестом в ночи,
И абрис плеч, и вздох печальный,
И тени в отблесках свечи.

Я запишу пером балладу,
Позму, песню иль сонет
О тех, кто был со мною рядом,
О той, кого сегодня нет.

Пусть разнесут по миру строки
Под лебединый перезвук
Про взгляд в полнеба синеокий
И кисти солнечные рук.

Этюд в пастельных тонах

Касаясь взглядом
чистого листа,
бреду лугами выцветшего лета
туда, где в брызгах солнечного света
ты ждешь меня,
божественно чиста.
И не постель, а летняя пастель
влечет нас.
И так хочется смеяться...
Рука в руке... Наивные шестнадцать.
Влюбленность глаз
и преданность мечте...
И день иной,
где старенький рояль
звучит минором, душу разрывая.
Он, будто конь стреноженный,
хромая,
унёс тебя в непознанную даль,
к вершине славы,
к платьям от кутюр...
Но верю я, когда-нибудь в Париже
«рояль дрожащий пену с губ облизнет»*
и устремит в Россию
свой аллюр...
И мы с тобой опять в руке рука
забудимся в медвяном море каши,
и ты взгрустнёшь,
гадая на ромашке...
Всё это будет завтра,
а пока
сквозь пропасть разведенного моста
зову тебя,
да все чужие лица...
И мой удел –
листать любви страницы,
касаясь взглядом чистого листа.

**Строка из Б. Пастернака*

По кадрам памяти

Всё как в кино:
Глаза закрою лишь.
Огни Монмартра.
Сена.
Акведуки.
Седой бармен, зевающий от скуки...
Скользит по кадрам памяти
Париж,
Вот лысый тип
в армейском
галифе
опять за что-то кроет метрдотеля...
Давно ли было?
Без году неделя,
как мы сидели в уличном кафе...
Вот к нам спешит араб-официант
и предлагает солнечные вина.
Ты выглядишь застенчиво невинной,
и так к лицу тебе бордовый бант.
Твой нервный вздох
и пролитый бокал.
Такси,
отель,
и сброшенное платье.
Прохладный душ
и жаркие объятия
(в угоду жанру просится накал).
В финальных кадрах
пудру, как тоску,
ты в сумочку из кожи крокодила,
вдыхая, прячешь,
шепчешь,
- Было мило, -
А утром...
Утром вылет на Москву...

Двенадцать лет спустя

Лучом последним
солнце лижет
домов солидных домино.
Иду по улочкам Парижа,
ищу знакомое окно.
Здесь та же бурая брусчатка,
фасонно-пафосный фасад
и шпили шпагами
торчат как
двенадцать лет тому назад.
Отель старинный и мансарда,

скрипучий уличный фонарь,
картины с видами Монмартра
в бистро у сквера.
Всё как встарь...

Лишь я другой,
не тот, что прежде:
на толстый кейс сменил суму.
Встречались мы не по одежде
и разошлись не по уму.
Казалось, жизнь моя в порядке.
Но ...Сновиденье после снов:
опять спешу я без оглядки
к тебе над крышами домов.
В безумный век,
разумно-страшный,
быть романтичным не резон.
Зачем ловлю свой день вчерашний,
догнать пытаюсь горизонт?

Знакомый дом окутал вечер,
в твоём окне зажётся свет.
Тебе не знать об этой встрече,
а мне лишь видеть силуэт.
Ты не одна.
Я не обижен...
Двенадцать лет...
Не мудрено...
Ах, эти улочки Парижа -
надежд разбитое окно.

Сергей Глухов

г. Алматы, Казахстан

Холод...

Посвящается маме

Холод...
тянется в душу,
тянется к сердцу.
Нам не легко. Знаешь...
время не лечит.
Время на плечи,
ворох событий,
и через год.

Вспомним...
как это было.
Камни и глина.
Поле крестов. Смотрим...
Пламя и ветер.
Слезы... и нечем...
их утереть.
Мама!!!

Ну как же?
Ты поспешила...
молча без слов,
К звездам и свету.
Душу на небо, и без оков
Освободилась...

Далеко от дома

Далеко от дома солнце на ступенях.
Далеко от дома ветер и песок.
Часто ли ты видишь дождик в сновиденьях?
Провожая тучи взглядом на восток.

А сегодня будни, впрочем, как обычно,
и твоя работа — скрипка и смычок.
Сердцу не спокойно, бьется аритмично,
словно беспокойный летний родничок.

День сегодня жаркий, и сестра устала.
Нищим, как обычно, мало подают.
Жизнь не начинают каждый раз сначала,
даже если сердце обрело приют.

Просто нужно верить в то, что будет лучше,
и надежды эти в музыку нести.
Ты смычок и струны чувствуешь все тоньше,
тихо шепчет скрипка долгое прости...

Библис

Любовь слепа. Любовь неосторожна.
Мы часто любим тех, кого и нет,
кого любить до боли невозможно,
но все же любим прихотью планет.

И вот она красавица от Бога,
вдруг полюбила брата близнеца,
в душе смятенье, горе и тревога,
смиренье в ожидании конца.

Брат в ужасе бежал, оставив Библис*
у родника не выпитой мечты.
Где слезы девичьи к воде катились,
не устыдившись нежной наготы.

А время шло расчетливо и тихо,
и нимфы появляются у ног.
Уснула Библис, боль ее утихла,
вдруг из земли пробился ручеек...

**-Библида(Библис). Дочь Милета и Эйдофеи, сестра-близнец Кавна. Библиада влюбилась в своего брата Кавна. Узнав об этом, он в ужасе бежал из родного города. Библиада, вне себя от страсти, безуспешно искала брата и умерла от горя. Каийские нимфы превратили ее в источник.*

Скорбь любви

Любовь ушла, осталась только скорбь.
И все бы ничего, да только грустно.
Дождливо. По стеклу немая дробь,
и на душе сегодня как-то пусто.

Смотрю вокруг, ищу тебя в других.
Вот девушка прошла с глазами серны,
почти твои, а дождик снова стих,
и день не кажется таким уж серым.

Смотрю опять, в походке узнаю
твои шаги, твои движенья тела.
Несусь за ней, внимаю, говорю,
но от чего-то до меня нет дела.

Не точен выстрел шалуна Амура
в меня попал и промахнулся в «серну»,
но как же хороша ее фигура,
и образ твой до боли эфемерный...

Любовь обращается в бегство

Что-то с нами не так,
что-то в нас изменилось.
Незаметный пустяк,
и сердечко разбилось.

От того, что любовь
как-то тихо исчезла.
От того, что без слов
между нами лишь бездна.

Так бывает, поверь,
грусть приходит надолго.
Ты как раненый зверь
среди мелких осколков.

А потом тишина,
долгой, тянущей болью.
Без нее и без сна,
настрадаешься вволю.

Так уходит она,
и порою бесследно.
Наступает весна
в тишине предрассветной.

Ты любишь гороскопы и кино

Ты любишь гороскопы и кино,
красивый секс, вишневую наливку.

Весенний дождь и вечер за окном
начнут ласкать кудрявую завивку

твоих волос. Их терпкий аромат,
смешавшись с запахом дождя и ветра,

инстинкты усиляет во сто крат
и призывает погрузится в недра

твоих глубин, непознанных пока,
но ожидающих безумной страсти.

Секунды до последнего броска.
Секунды разрывают нас на части.

Нежно прикоснусь к твоим губам

Нежно прикоснусь
к твоим губам...
Тонкий аромат
на смуглой коже.
В эту ночь
паду к твоим стопам,
буду целовать
тебя до дрожи.

И когда обмякнешь,
словно воск,
упадешь и ты
в мои объятия.
Страсть проникнет
пламенем в мой мозг,
лунный свет
скользнет
по ткани платья.

Тихим стоном
выдохнешь экстаз,
и уснешь
усталая на ложе.
За окном
играет соул-джаз,
сладкий мёд
с горчинкою,
и ложью...

Я с тобой никогда

Я с тобой никогда
не встречался
в реальном пространстве.
Не касался твоих
утонченно
изысканных форм.
Но во сны прихожу,
и в завидном
своём
постоянстве,
вызываю огонь
атакуя тебя
словно шторм.
Твоя жажда любви:
поцелуй,
объятия,
движенья.
Капли пота на шее
заводят,
и сводят с ума.
Но реальность,
увы,
не способствует
даже сближению,
между нами экран,
расстоянья,
дороги,
дома...

Ты молчи, вот сейчас говорить не надо

Ты молчи,
вот сейчас говорить
не надо.
Все слова как вода
сквозь рутину дней.
Поцелуев твоих
я впитаю сладость.
Ты молчи,
ты молчи...
говорить не смей.
На холодном полу
разметалось платье.
Обнажились плечи
и тонкий стан.
Я сжимаю...
сжимаю
в своих объятьях
то нагое счастье
которым пьян...

Вечер лета, жар июня...

Вечер лета, жар июня...
Тело требует любви.
Рыжевласая колдунья
тихо шепчет: «Позови!

Помани меня лишь взглядом,
приласкай и укради,
напитай любовным ядом
страстью нежной изведи.

А потом когда безумства
притаятся в тишине
напои меня искусно
вождедением во сне.

И в твоих объятьях утром
вновь от трепета проснусь
отдаваясь новым штурмам
я с безумием сольюсь!»

Максим Жуков

г. Пермь, Россия

Неужели это было

Неужели это было,
Неужели вновь пришло,
Все, о чем ты позабыла,
На меня вдруг снизошло.

Как позвонит друг нежданный,
Как пройдет весны тепло,
Чувства грянули желанны
И прекрасное всплыло.

И прекрасное запело,
Забурлила кровь моя,
Только разве это дело?
Коль не вижу я тебя!

Под Есенина

«Вы помните, вы все конечно помните...»

Вы помните, вы все, конечно, помните,
Зывал ветер, протяжен и глух,
Вы, волнуясь, ходили по комнате,
Напрягая, тревожа мой слух.

И кричали тогда без причины,
И причина у вас была:
Опостылела жизнь и кручина,
Вы бросали: «Я вам не мила!»

Не мила?! Не показывал вида,
Бежит жизнь с теченьем реки,
Но взяла Вас тогда обида,
Не подал и не принял руки.

Но Вы же раньше меня не любили!
Зачем нужен был я, не пойму?
Охладел, и Вы нагубили,
Оставаясь в далеком дыму.

И все Вы, конечно же, помните,
А как иначе, позвольте спросить?
Вы, волнуясь, ходили по комнате,
Но больше не о чем нам говорить!

О, друг, благословенны ночи

О, друг, благословенны ночи,
Когда, сияя в ожиданье дня,
Увижу вновь жемчужны очи,
И тайна поглотит меня.

И утро, тягостным порывом,
Зовет туда скорей бежать,
Где с неизведанным мне пылом
Хочу красавицу обнять.

Тих вечер. Он, насупив брови,
Ведет безмолвный разговор
С зарей, ланиты чьи из крови,
Чей так решителен укор.

В саду

Как голуби, воркуя о своем,
В тишине ночного сада,
Сидели вместе мы вдвоем,
Прижавшись, как ряды ограды.

И полон дум был тихий сад,
Вдали резвились в замке дети,
Губами жаркими вопрос зажат,
Нет слаще этого на свете.

Летело время незаметно вдаль,
Так часто за приятною беседой.
Пора прощаться, а так жаль...
О, сад, ты чары нам свои поведай?!

Самая лучшая

Для кого-то ты может быть худшая,
Для меня ты – самая лучшая.

Для кого, как ледышка снежная,
Для меня ты – самая нежная.

Для кого, как стерва спесивая,
Для меня – безумно красивая.

Для кого, как ребенок плаксивая,
Для меня – опять красивая.

Для кого, как медуза злобная,
Для меня – самая добрая.

Для кого - как мегера скверная,
Для меня же – самая верная.

Для кого-то лебедушка белая
И для меня, притом очень смелая...

Повторять буду к каждому случаю,
Что ты лучшая! Самая лучшая!

Любимая, напрасны те мечты

Любимая, напрасны те мечты,
Что бережно в себе лелеем,
Из трав искусственных не вырастут цветы,
Мне дикая полынь куда милее.

Куда важнее даль меня манит,
Тот горизонт, где буду я когда-то.
Неугасимый к знаниям гложет аппетит,
В раздумьях наша жизнь богата.

Всегда размышляя о моей судьбе:
Не мечтаю. Нас я вижу вместе.
Думаю лишь только о тебе:
Потом жене, сейчас невесте.

Тропинки

Только так часто случается,
Отчего я понять не могу.
Две узеньки тропки кончаются
И сливаются ровно в одну.

Много в этих витках неслаженно,
На повороте, в дорожном строю,
Тропинки сойдутся негаданно
И в далеком вьются краю.

Всегда вместе в дождь и слякоть.
Синим вечером и поутру.
Разве может исчезнуть за год,
То, что слило две тропки в одну?

В детстве все верили в сказки,
В деда Мороза, добро и зло,
Не чураясь материнской ласки,
Сейчас куда все ушло?

Все бежим, по делам мечемся,
Без оглядки, все вперед и вперед,
Нет уже прежней беспечности.
Где фантазии? Мыслей полет?

Где веру в чудеса оставили?
На что променяли мечты?
Бессовестно себя ограбили,
Заморили в саду цветы.

Давайте молодость вспомним,
Хоть на минутку, хоть на миг,
А сорняки выдерем с корнем,
Проветрим души парник.

Философия жизни

Все пройдет, все поменяется,
Жизнь на месте не стоит,
Иной от скуки сердцем мается,
Другой за жизнь душой болит.

Коль бежать по ней на месте
Иль идти специально тихо,
Даже если вы и вместе,
На двоих хлебнете лиха.

Коль от нее отстал немного,
Нету по пути ошибок,
То и не пеняй на Бога –
К совершенству путь не близок.

Если ж ты идешь далече,
Позади оставив многих,
Не оглядывайся в вечер
И не слушай задних - строгих.

Ты спеши себе все прямо,
Освещай другим дорогу,
Обходя преграды-ямы,
Знать, угодно это Богу.

И мы все должны стремиться
Не ползти в числе последних,
Если надо – так развиваться,
Первым стать среди передних.

Сергей Колонов

г. Саратов, Россия

Золотая моя стрекоза...

Памяти И. Алексеева (1959 – 2008)

Как изысканно лёгок полёт
У твоих бирюзовых сестёр.
Синий лёд, ослепительный лёд
Льётся искрами в жаркий простор.

Брызги плавают в тёмной воде,
В ожерельях прибрежный розог,
На песчаном, узорчатом дне
Вижу я отраженья стрекоз.

Чутким танцем любовных утех,
Хрусталём перепончатых крыл
Мне поведают истину тех,
Кто секунды без милой не жил.

Тёмной кровью набухший сосок,
Сладкой пыткой закрою глаза,
Золотой опьянённый песок,
Золотая моя стрекоза...

Выбирать в пустоте легко...

Памяти И. Алексеева (1959 – 2008)

Выбирать в пустоте легко,
Даже память не держит в клетке.
Рыжей бабочкой, огоньком
Лист летит с оголённой ветки.

Траур тёмных своих одежд
Променяю на серость неба,
Запах прели осенней свеж,
Как предвестник сырого снега.

Позабывать, что в каналах жил
Перемешано время с болью.
Благодарен за то, что жил,
Что как мог, так справлялся с ролью.

И парить в пустоте легко,
Отстраняясь от фраз казённых,
Принимая одним кивком
Всю беспомощность посвящённых.

Можно вволю бежать, лететь,
Наплевав на конец маршрута,
Закрепив паутины сеть
В стропах рыжего парашюта...

Подражая Мандельштаму

Мастерица насмешливых взоров
И загадочно-ласковых плеч,
Непокорный, обманчивый нор
Прячет нежно-текучая речь.

Ты как рыба в зелёных глубинах,
Если можешь, скорее, схвати,
Но изогнуты гибкие спины,
И не скрещены наши пути.

В мире странном, обманчивом мире,
Нам достался обычай таков:
Солнцем залиты гулкие шири,
Но темнеет в любви блеск зрачков.

И в глазах, как в кривом мамелюке,
Отражение страсти. Мактуб.
Краткий путь в рассекаемом звуке
К полумесяцу сладостных губ.

Мне расплатой за то, дорогая,
Сердца боль да звенящий ковыль.
Оседает, над нами летая,
Всех дорог вековечная пыль.

Кто ты мне? Безднадежность? Подмога?
Соль и хлеб на тяжелом пути?
Как просить молчаливого Бога?
Будь со мной. Подожди. Уходи.

Что-то из прошлого

Кафимское зерно уклеестых боков
Горбач сердитый выгонит на отмель,
Из лала плавники у рыбьих пастухов,
Да молнией мелькнёт зубастый профиль.

В истоме жаркий день от солнечных лучей,
И скрип уключин оперно протяжен,
Задумчивый гребец, свободный и ничей,
И целый мир ему сейчас не важен.

Изящной сеткою сапфировых стрекоз
Украшен плат из чистых белых лилий...
Картинки старые, без вздохов и без слёз,
Ведь это было всё, когда-то было...

Бывает так...

Бывает так: осенний яркий луч
На день, на час разрежет серый саван
И мастихином золото набросит
На голубом полотнище небес.
Занает сердце. В шорохе листвы,
С ветвей летящей в еле слышном танце,
Свои законы мне нашепчет время,
Пролистывая книгу бытия.

Ах, время, молчаливый властелин,
Подскажет, что ушла моя весна.
Тепло минувших дней уносит ветер,
Но пусть продлится только этот день.

Твоя любовь была как этот луч,
Подарком хрупким и совсем неожиданным,
Прекрасным мигом, что не по заслугам
Был мне отпущен странною судьбой.
Любил. Был счастлив. Что желать ещё?
Лети, мой друг,
Весна – твоя обитель.
А осень мне оставь.

От встречи с тобой и до встречи

От встречи с тобой и до встречи
Пустыня глухая легла,
Как хочется гулкие речи
Зимую мне выпить до дна,

Как хочется рук твоих нежность
Смешать с полыханьем огня
И сброшенной ткани небрежность
Оставить сиянию дня.

Искать твои губы бессонно
В театре безмолвных теней
И в тёмной мелодии стонов
Под блики ночных фонарей.

Ты как цветок

Ты как цветок, загадочный и хрупкий,
Не для тебя сегодня грубость рук,
Пусть только губы, поборов испуг,
Скользят по коже камертоном чутким.

Легко, как вздох испуганной голубки,
Сорвётся сердце в тёмно-синий луг,
Где боль ещё не сбывшихся разлук
Врачуют приворотом незабудки.

Игры старинной сладостные муки,
Любви и страсти вечные науки,
И мрамора прекрасный твёрдый плен,

Прованса воздух, тихий шёпот Роны,
Где камень принимал твои законы,
Над всем ты властен, о старик Роден...

Из строки Пастернака

Глухая пора листопада
Окутает рваным плащом,
Уже торопиться не надо
Под мелким промозглым дождём.

Минувшего зыбкие тени
В полотнах ушедших картин
Развесит насмешливо время
Среди обнаженных осин.

И осень скупым дирижёром,
Невидимой, твёрдой рукой,
Ворчливым командует хором
Ворон на опушке лесной.

Глухая пора листопада
Пропитана серым дождём.
И кто-то прошепчет: Не надо.
Не время. Давай подождём.

Юрий Кутасевич

г. Волжский, Россия

Апарт

Когда меня манила глубина
и мир когда мне был немного тесен,
когда смущала круглая Луна,
тогда, в эпоху старых, добрых песен
трельяж тебя послушно отражал,
ты в нем была единая в трех лицах...
Но все прошло. Я не люблю зеркал.
(Не любит он, смотри какая птица! -
мне говорит мой внутренний партнер,
Шекспир был прав, и жизнь – театр, кстати),
теперь я, не взошедший на костер,
живу, и привыкаю к слову «батя».
Теперь я понимаю - был нелеп
энтузиазм мой в годы молодые;
зачем стучать в забытый богом склеп
с вопросом глупым – есть тут кто живые?
Те, перед кем словами я сорил,
и рвался в бой с решимостью комдива,
живут как будто из последних сил,
но полагают, что живут красиво.
Но где-то здесь уже родился Сам,
(так пес трехглавый лает, ветер носит),
не разберешь, шалом или салам,
невнятно он сквозь зубы произносит.
Принцессы на горошинах храпят,
скелеты извлекаются из шкафа
Пилат! – кричат, - ату его! Пилат!
А где первосвященник Каиафа?

Я отпускаю вам свои грехи,
на ходиках в знак V сложились стрелки,
что ж, будем ироничны и тихи,
покуда не пришли еще сиделки.
И станем любоваться на закат,
на звезды, что рассыпаны как просо,
лишь иногда вплетая в хор цикад
слова. Не ради вечности, а просто...

Первая электричка

В июне ночь – одно название,
едва уснешь – уже рассвет.
Выходишь в город тихий, ранний,
на три квартала стук штиблет.
Вокзал шевелится лениво,
старушка бодро прет мешок,
помятый дядя тянет пиво -
вчера знать было хорошо.
Таксисты рыскают, как волки,
здесь все как в жизни – суета;
...какой вагон?..., ... на нижней полке?..
...кинь SMS-ку... Два мента,
надёжа против террористов,
на всё, не выспавшись, глядят,
а в небе блеклом, небе мгlistом,
медузы рыхлые висят.
Электропоезд подплывает,
железнобокий, жадный змей,
с шипеньем пасти открывает,
глотаю маленьких людей.
Курю я в тамбуре облезлом,
(табличка рядом «не курить»),
как хорошо порой быть трезвым,
и совершенно не спешить.
Окно потеет, с лязгом, справа,
прошли борта товарняка,
рекламный щит – чему-то слава! -
под мост нырнувшая река
дымится утренним туманом,
все чаще, чаще стук колес,
и город тает злым обманом
в белесом мареве берез.

Доярку добром поминая

Проклянулся вечер на небе звездой,
и хлопцы, начистив штиблеты,
у клуба толкуются веселой толпой,
в карманы засунув кастеты.

Отличник зубрит теорему Фуко,
о титках училки мечтая,
лакает кот Васька в углу молоко,
доярку добром поминая.

Плывет над деревней подсолнечный дух
от старого маслозавода,
удачно в калитку уставший пастух
попал со второго захода.

Трико натянув, председатель Степан,
удовлетворенно вздыхая,
первач наливает в граненый стакан,
доярку добром поминая.

Уж осень все больше вступает в права,
у осени с летом вендетта,
лошадка везет на телеге дрова,
свой путь удобряя при этом.

Кузнец Никанор на соседа стучит,
и где-то, в утробе сарая,
невнятное что-то корова мычит,
доярку добром поминая.

Утро

А по утрам кончается покой,
единственная роскошь, что осталась.
У зеркала коснусь щеки рукой,
почувствую щетину и усталость.

Вчера случился, помню, снегопад.
Сегодня тихо, как в подбитом танке.
За окнами согласный скрип лопат
двух дворников в потрепанных ушанках.

С трудом, но вспомнил, что уже среда,
что у любви синоним нынче – похоть...
Лишь мысль о том, что жизнь не ерунда,
поддерживает ласково под локоть.

Нащупываю в тумбочке носки,
и хочется прожить еще лет двадцать.
Ведь рай и ад по сути – тупики.
Оттуда больше некуда податься.

И в памяти всплывет - мне скучно, бес.
Хотя бы водки выпить из Грааля,
рвануть по направлению норд-вест,
или забачать Мурку на рояле.

С балкона матом? Но – проклятый такт...
Да и потом, не слишком много чести?
Маэстро, выход. Предпоследний акт.
Антракт окончен. Зрители на месте.

Сегодня я как старый царь Дадон
 до встречи с шамаханскою царицей.
 Пуста цистерна, съехался вагон,
 зато живу, по счастью, не в столице.
 Когда я понял, что уже не сплю,
 хотя и пребываю на кровати,
 открыв глаза подумал: – вот некстати
 пришел туман, хоть я его люблю.
 Пространство однородно как омлет,
 и я случайной мысли ужаснулся,
 что мир пропал, его со мною нет,
 он просто и банально не проснулся.
 Ведь мог же умереть мой мир во сне?
 Войдут толпой, а он лежит холодный...
 Так было с тем, чей профиль инородный
 зажат резною рамкой на стене.
 Туман, он даже в Африке туман,
 гляжу в окно, и вижу – стекла плаксы.
 Он поменял тогда рубли на баксы,
 и океан сменил на океан.
 И был он счастлив, может раза два,
 и на пустое место ставя слово
 однажды понял, как слабы слова...
 Однажды понял, что же здесь такого?
 Так если кто решит что слово штык,
 и что она там где-то отзовется,
 его вы положите под язык.
 Как валидол. Пока не рассосется.
 Сегодня я как старый царь Дадон,
 которому покой всего дороже.
 Я думаю, что прав был Соломон:
 проходит все, пройдет и это тоже.
 Пусть маятник, повисший как отвес,
 обозначает умершее время;
 когда ни будь раздастся глас с небес,
 и серафим слетит, и клюнет в темя.

Летнее

Нынче жарко. Под ивой повислой
 я качаю себя в гамаке
 и царапаю “hasta la vista”
 тонким прутиком в белом песке.
 Как живу? Потихоньку старею -
 странно было бы наоборот.
 И вода в свое время твердеет,
 и меняет названье, но вот
 счастлив я, ведь условно одеты
 ходят девушки, и на реке
 отдыхает беспечное лето
 стрекозой на моем поплавке.

Александр Лупооков

г. Сочи, Россия

Возвращение

Я увидел тебя -
моё сердце забилось в груди. Возвращение через полвека!
Своей кроной тряся,
ты приветствуешь, древо, меня, дорогого тебе человека.

Стали старыми мы:
сеть морщин на лице у меня, и кора твоя чёрствая стала.
Ведь под тенью твоей
босоное детство моё беззаботно и вольно играло.

Вместе выросли мы,
и когда-то шептал я: «Люблю!» под руками-ветвями твоими,
говорил: «Я вернусь!»,
а на коже упругой твоей острый нож вырезал её имя.

Я вернулся, и что ж?
Много лет, долгих лет, с той поры, как вода, утекло, пробежало:
твоя кожа груба,
её имя в морщинах твоих навсегда затерялось, пропало.

Только в месте одном
(может там, где порезал тебя острый нож мой?) камедь выступает,
словно с кровью слеза...
Плачешь ты? Плачу я.
Но о том, старый друг, ведь никто не узнает.

Фламенко

Поздний вечер у моря. Нежный шепот прибора.
Две гитары в ударе. Песня в танце живёт.
Пляшет женщина в красном, и изящно рукою,
словно бабочку, веер отпускает в полёт.

Пляшут струны гитары, каблочки выбивают
ритм фламенко под чёткий перестук кастаньет.
Из костра ярким всплеском искры к небу взлетают;
там, на бархате чёрном, их мерцающий след.

В этом яростном танце блики всполохов платья.
Треск горящих поленьев - кастаньетам в ответ.
Ночь огня, как испанка, раскрывает объятия,
жар бушующей страсти охладит лишь рассвет.

Всё быстрее, быстрее, словно вспышки, мгновенья
там, где платье и пламя в вихре вместе сплелись.
Этот трепетный танец - торжество вдохновенья -
пляшет Женщина-Пламя, и в огне - её жизнь

Ангел-хранитель

«Эй, новичок, давай, быстро АК* возьми,
белый наряд снимай. Летом не до зимы.
Вот камуфляж, а тут пару возьми гранат.
Ангел тебя зовут? Что ж, нам сам чёрт не брат!»
Ангел ответил вдруг: «Мне не к чему АК.
С той стороны - мой друг, вон, за спиной врага.
Нам не к чему встравать и выяснять: кто прав?
Буду предохранять! Мой так велит Устав.
И камуфляж оставь. Я, ведь, не виден им.
Бронежилет поправь, и... смени магазин.
Всё! А теперь, вперёд! Я подготовил путь.
Ну, поднимай свой взвод. Стоп! Задержись чуть-чуть»
Вовремя! Над бойцом воздух рассёк металл...
И завязался бой. Ангел уже молчал.
На РГД** упав, крыльями смерть закрыв,
он выполнял Устав. И не раздался взрыв...
Тихо как. И тогда Ангел поднялся вдруг,
и посмотрел туда, где его Ангел-друг.
Плакал тот и взывал: «Но почему, мой Бог?!»
Труп перед ним лежал. Он уберечь не смог...

*АК – автомат Калашникова

**РГД – ручная граната

Каракумы

Хруст песка на зубах,
ярость солнца в глазах
и верблюдов следы...
Каракумы

Это жажда и зной,
и шакалов плач-вой,
и бурдюк без воды...
Каракумы

Это «чёрный песок»,
это - Средний Восток,
и верблюда скелет...
Каракумы

На рассвете встречай,
наливай крепкий чай,
ставь коробку конфет
«Каракумы»

Рубаи

Скульптуру женщины из глины я слепил,
и часть души своей в неё вложил.
И показалось мне: «Я вновь живая!» -
дух праха девы той проговорил.

Лишь холмик с номером – могила бедняка.
Ансамбль мраморный – богач, наверняка.
Но пласт земли их уравнивает бренность:
в один ком глины их сведут века.

В песок скалу способно время обратить,
но вновь не может из песка скалу сложить.
Из почки вдруг бутоном вспыхнет роза;
увянет – лепестков не возвратить.

Когда кувшин на чашу опускают,
и винограда кровь в него вливают,
мне кажется: то акт любви бессмертной
двух тел, что в глине снова оживают.

Будь осторожен в дружбе ты с вином,
есть и душевность и коварство в нём:
оно тупицу красноречьем наделяет,
а умный может стать дураком.

Искал по миру цель своей мечты,
искал в себе и в мире Пустоты.
Но был я слеп. Когда прозрел - увидел,
что целый мир в себе вмещаешь ты.

Две горные вершины – грудь твоя,
два купола у храма – грудь твоя.
Я покорял вершины и молился,
и жажду утоляла грудь твоя.

Японские сонеты

Белую шубу,
сняв, скинула в грязь Зима.
С гордостью вышла.
Вся в изумрудах
на дефиле шла Весна.
Ярко и пышно!
Рты раскрывали цветы,
бабочки – крылья.
И разлетались мечты
звёздную пылью.

Свет прорастает.
Вот и глазуньи желток
в небо всплывает.
Бриз освежает.
Воздуха полный глоток
грудь наполняет.
День прославляя, свой гимн
птицы запели.
И оседлали цветы
птицы и шмели.

Небо темнеет.
Солнечный блин золотой
уж остывает.
Трепетно веет
лёгкий морской ветерок,
волны ласкают.
Солнце за море зашло.
Птицы притихли.
И разыграли сверчки
партию скрипки.

В бархате чёрном
блещет алмазная пыль,
светом играет.
И серебристый
серп молодой-удалой
тьму рассекает.
Ёж на охоту спешит.
Филин заухал.
И в паутине жужжит
сонная муха.

Танка (Японские пятистишия)

сердце застыло:
вишню, что нежно цвела,
грубо срубили.
не согревают меня
жаркие угли её.

в сон погружаясь,
слышал, как дождь бил в окно,
в гости просился.
утром же снежная пыль
землю покрыла собой.

где накануне
был изумрудный ковёр –
саван холодный.
я хорошо погулял,
время пришло отдохнуть.

веточку ели
острым ножом отхватил,
в вазу поставил.
буду Снегурочку ждать -
больше никто не придёт.

солнцу навстречу
рты раскрывают цветы
в яркой улыбке.
от возбужденья дрожат
листья, воздетые вверх.

солнце в зените.
лёгкий степной ветерок
в поле гуляет.
пьяный от духа цветов,
в танце он их закружил.

солнце уходит.
сникли цветов лепестки,
в дрёму впадая.
сладко зевают они,
сон предвкушая ночной.

Галина Мальцева /Маркус/

г. Москва, Россия

Зонты

Нам Оле-Лукойе вручает с утра по зонту –
Зеленому или в цветочек, с погнувшейся спицей.
Тому, кто ночами не спит - вот и сказка не снится,
И птицам, которые могут устать на лету –

Всем тем, кто пытается как-то набрать высоту,
Вручает с утра по смешному цветному зонту.

Мы кнопками щелкаем, прыгаем, делаем взмах,
В полете стихи сочиняем и мысленно спорим,
И точно к крыльцу приземляемся к нашей конторе,
С трудом привыкая к опоре при первых шагах.

Но мы на земле ощущаем беспочвенный страх
И ждем, когда кнопку щелкнем и сделаем взмах.

...А есть у него еще черный и будничный зонт
Для тех, кто летать не умеет и сказок не любит.
И мрачные люди бредут по болотистой хлюпи,
И думают, как бы скорее закончить ремонт –

Всем тем, кто склонился под грузом нелегких забот,
Вручает волшебник надежный брезентовый зонт.

Бывает, зонтами случайно меняемся мы,
И вот надо мною – бесцветный, бескрылый, убогий.
И я черепахой горбатой ползу по дороге,
В толпе посреди деловитых слепых горемык,

И хоть спасены от дождя, от тюрьмы и сумы,
Но там, под зонтами, бывает, меняемся мы.

А может, тогда попытаться совсем без зонта?
И полностью вымокнув, вдоволь заляпавшись грязью,
Подняться хотя бы чуть-чуть. Ведь когда-нибудь разве
Мы сможем забыть, что умели немножко летать?

Ах, Оле-Лукойе, ответь, ты научишь нас - да? -
Взмывать над дождем без цветного смешного зонта?..

Всё хорошо

Всё у нас хорошо! Но увозят осенние листья,
 Собирая, бесправные, в пыльный казенный мешок,
 По этапу, в расход, без надежд и грядущих амнистий...
 Инквизитор с метлой, свой участок жестоко зачистив,
 Смотрит в землю и помнит, что всё у нас тут хорошо.

Хорошо всё у нас. Этот дождик по капле опознан,
 По манере письма, по рифмовке и ритмике фраз.
 И стихи у него получаются лучше, чем проза,
 Верный признак таланта – неверность погодным прогнозам,
 Значит, тоже не врёт... бьёт и льёт: «Хорошо всё у нас».

«Хорошо у нас всё, - говоришь ты, не ведая фальши. -
 Вот придёт новый день – облегчение он принесёт.
 С каждым словом точней, с каждым небом всё глубже и дальше...
 Потеплее оденься – и так вдохновенно не кашляй,
 Не пиши, не ругайся... Не плачь! Хорошо у нас всё...»

Если...

Обязуйся — ходить в лес осенний и тихий,
 И хранить его музыку-шорохи долго.
 От одежд и колец никакого нет толку,
 Только слезы пустые, да память о лихе.

Сбереги лучше маленький шарик стеклянный
 И усохшие ягоды горькой рябины.
 Что казалось по росту, а стало — по чину,
 Не трагедий финал, а антракт мелодрамы.

Не надумай достоинств, которых-то, честно,
 Положа руку на сердце, было немного.
 Только ты их не знал... Ну, не хмурься, ей-Богу,
 Я терпеть не могу пафос лживый и пресный!

Помнишь, как муравьи в нашу обувь залезли,
 Как боялась мышей, не умела готовить?
 Прочитай, наконец, мою старую повесть.
 И скажи: «Все равно мне не нравится!»
 если...

О будущей весне

Какие там стихи о будущей весне...
Чем стану я дышать в загаданном апреле?
Быть может, утеку, как надоевший снег,
Цепляясь за стволы безмолвных черных елей.

А может, повезет, и все-таки прорвусь,
Как новый клейкий лист из криворукой ветки,
И солнца тихий луч меня коснется - пусть
На краткий только миг, нечаянной пометкой.

А может, я очнусь от запаха земли –
Тревожно заскрипят мои больные корни.
По жилам потечет древнейшая, как мир,
Та сила, что из тьмы на свет живое гонит.

А может, разольюсь – границы позабыв,
Покинув берега, разбив зеркальный панцирь,
Прогнившие мостки вскрывая, как нарыв,
Чтоб вновь, оставив стыд, у ног твоих плескаться.

Прогорклым летним днем сквозь мути пелену
О будущем, ты прав, загадывать без толку.
Ах, как бы проскользнуть в еще одну весну!
...По краешку, тайком... продрогшей богомолкой...

Наталья Наволокина

г. Москва, Россия

Я умру в мезозое...

Я умру в Мезозое, спиной в непредвиденный век,
Пропустив пару эр, перепутав Докембрий с Триасом.
И найдут в Кайнозое меня, разгребая Ковчег,
Замурованной в камне – лицо неопознанной расы.
И покажут учёным...
Но те отмахнутся: Туфта!
Очевидный обман, просто чушь, ерунда и фальшивка!
И засунет меня в долгий ящик Уфа ли, Ухта,
А родная Москва будет даже не в курсе ошибки.

Так не лучше ли мне просто плюнуть и жить в Меловом,
Кайнозойскую эру оставив бесхвостым приматам?
И, когда птеродактиль смахнёт меня в пропасть крылом,
Я его обложу четвертичным отборнейшим матом!

8.12.2012

Фокус

Не узнаю знакомые предметы,
Луч памяти распался на штрихи.
Встают с утра две левые ноги,
(весь фокус в этом!).

Кукушка битый час хрипит: «Жи-хи!..»
Наверное, паршивая примета.
Протягиваю смерти 2 билета –
(мой груз – стихи).

Пускай они слагались вкривь и вкось,
Но в адский рай ввели меня по блату,
Где ангельские черти, как солдаты,
Стоят на «товсь!»

Тут не кипят остывшие котлы,
А на любой вопрос есть тьма ответов.
И, драя души тряпкой, как полы
Блестят поэты!

Жаль...

За железной дверью вянет лебеда.
Острых листьев перья, досок череда...
Нью-Московский воздух, 21-й век -
Рано или поздно похоронят всех.
Или сразу в яму...
Или просто в печь...
Жаль, Омар Хайяма томик не сберечь.

Остекленевшее

(о стекле не в шее...)

Стекают тени по стеклу времён,
Не различая чисел, лиц, имён...

Лишь отражений бесконечный ряд
Пропитывает вечности, как яд.

Отравлен веер слипшихся миров –
Бред повторений, фатум катастроф...

Минувшее вернулось и грядёт.
Всё, что пропало, снова пропадёт!..

Стеклянный взгляд остекленевших глаз...
А Всеблагодой опять не внял, не спас.

На грани

Мы все на грани вымирания,
Нас не спасёт
Ни хитроумный принц из Дании,
Ни Дон Кихот.

Осточертели оправдания,
Не жизнь – погост!
Всё человеческое Знание –
Коту под хвост!

Но равнодушно мироздание
К добру и злу.
И превратит не в назидание
Всех нас в золу.

Несёмся мы вне расписания
Из ада в ад.
И лишь одно свербит в сознании –
Кто виноват?

ПАПУасы

Отбродили ёжики в тумане,
 Отблудили ножики в кармане...
 Перерезав галстуками брюхо,
 Дикари приветствуют Миклухо.
 Дикари приветствуют Маклая,
 В том себе отчёт не отдавая.
 Жрут гуманитарные ленд-лизы,
 Путаая Джоконду с Кондолизой.

И не с полуострова Малакка,
 И не краснозадая макака...
 Дикари те нашенские, с возу,
 Впрыснувшие дезу, словно дозу.
 Истинно – свидетели ЕГЭвы,
 С девственным умом Адама-Евы.
 Знают лишь айфоны да ютубы,
 Пирсингуя брови, ноздри, губы...

Чисто рядовые неформалы –
 Готы, толкинисты, федералы...
 Брокеры и рокеры, в натуре,
 Видные чины в прокуратуре...
 Байкеры и метросексуалы,
 Эмо, олигархи, маргиналы...
 Пусть простят, кого не написала –
 Мышкой рука водить устала.

Все мы тут, короче – папуасы,
 Несмотря на лица и лампасы.
 Все своих имеем тараканов.
 Молимся на всяких истуканов.
 Преданно внимаем и взираем...
 И себе подобных избираем!

21.02.2012

Былое и думы

По улицам извилистым московским
 Иду я на ПП*, а Маяковский
 Мне издали мерещится сквозь стены,
 И «лесенка» его клокочет в венах.
 Как жаль, что он так рано застрелился.
 А, впрочем, было б хуже, если б спился,
 Дожив до постхрущёвского застоя,

Имея ордена и всё такое...
Но эти размышления напрасны,
Не повязал на площади на Красной
За то, что я училась на «отлично»,
Мне Маяковский галстук самолично.
А мог бы ведь дожить до Перестройки...

А, впрочем, я училась лишь на «тройки»,
Всё потому, что не было примера
И стимула мне рваться в пионеры.
Хотя я всем устройством организма
Была на стороне социализма..
Учение ж, как нарочно, не давалось,
Но я с утра до ночи занималась
И знала – Маяковского и Блока,
Есенина... Но, чтобы силу тока
Найти, что по Амперу, что по Омму –
Я не могла, впадая сразу в кому...
На химии – в осадок выпадала.
На алгебре – панически рыдала.
На НВП** ужасно в сон клонило,
А физкультуру – просто не любила!
Стихи тогда писала я нечасто
И жизнь казалось тусклой и несчастной.

Не то, что нынче – черпаю по-полной,
Являясь вредной тёткой полнокровной.
И, пятый год кукуя без зарплаты,
Жалею я о тех семидесятих...

*ПП – Патриаршие Пруды в Москве, недалеко от Маяковки

**НВП – начальная военная подготовка

Абсурдное

Я смерть довела до абсурда,
её он коснулся – и помер!
но тут же, как конь, встрепенулся,
заржал... и проследовал в номер,
где смерть, отражаясь в трельяже,
косу поменявши на пудру,
ровняла костистые щёки,
скелет затаив трикотажем...
А я же, представьте, а я же,
хватая ртом воздух для лёгких,
вела исключительно мудро
себя от любви к эпатажу.

31.03.2013

Юлия Нелюбова

г. Смоленск, Россия

...от себя...

Евгению Резанову

Убежать от себя в Сомали,
затеряться с пиратами в море...
Может быть повезёт мне, ой ли,
и душа обновится в игноре.
Ты меня потеряешь в сети,
да и я позабуду в просторах,
что к тебе мне нельзя не прийти,
и вчерашними вздохами ворох,
из придуманных тем отболит,
затерявшись в плутовке-судьбе...
Из прочитанных мною молитв –
самой важной была, о тебе.

16.03.2013

Предвесеннее...

Евгению Резанову

Ты мечтай смелей, живи для кого-то,
не цепляясь за вчера, как не тщится
тебя память утянуть в дум болото, -
завтра новая весна постучится.
Открывай всё настезь, - окна и двери,
заболевшую от холода душу, -
ты не бойся снова в лучшее верить,
не упрячься, голос вешний послушай, -
как капель звенит и ранняя птичка,
прощебечет о своём, где-то рядом
и душа вдруг загорится, как спичка, -
просыпайся, не противься, не надо.

28.02.3013

Апрель наступал

Апрель наступал на поля, на леса, на мозоли...
то радовал солнцем, то вдруг раздражался ненастьем.
Холодным дождём по горячей запекшейся боли,
набухшими почками по несмыслённому счастью.
Кострами дымил во дворах, мок снегами в оврагах,
за солнцем спешил, что неспешно склонялось к закату,
ростком прорастал среди мусора, гнили и шлаков,
чтоб маю отдать свою жизнь, как тебе я... когда то...

24.04.2013

Ворона

Ночь, улица, вокзал, ворона
забыла что-то у перрона,
сидит и каркает на всех,
чем вызывает тихий смех
тех, кто спешит сейчас куда-то,
к своим привычным адресатам,
к прощаньям, встречам и мечтам, -
всему, что ждёт их где-то там
за пустотой и мерным стуком,
крутым подъёмом, резким спуском
на грудь последнего перрона...
О чём ты ведаешь, ворона?

27.03.2013

Фрэнк Слэйд*

Ты, юнец, что ты знаешь о боли щемящей, тупой?
Ты, посланник небес, что решили сыграть со мной шутку.
Не подвластно тебе, даже мне, неподвластно рассудку
осознать, что я умер давно, с той гранатой с неспасшей чекой**.

Убирайся! Уйди! Я планировал смерть столько лет,
я копил эти выплаты, дабы достойно проститься.
Принеси мне таблетки, сигары, бутылку, жар-птицу...,
уже солнце садится, во тьме так пронзительно чувствуешь свет.

Я тебя прихвачу, я смогу, я - моральный урод,
я не просто слепой, мне тот взрыв ампутировал душу,
если ты не уйдёшь, твоё завтра я тоже разрушу
и какой тебе, черт, интерес, что калека презренный умрёт?

Я – дрянной человек, я – гнилой, я всегда был плохим,
даже мой старший брат от такого родства отказался;
и чего ты, с оружием, Чарли***, ко мне привязался?
Ни за что не отдам, не суди и, быть может, не будешь судим.

Ты мне день подарил, я в огромном долгу пред тобой,
за мечты, что сбывались навывлет за крайнюю гранью –
это больше, чем век для того, кто забвеньем изранен,
я устал, чёрный ствол у виска, но я всё же кричаще живой...

Что за жженье в глазах, я не плакал уже много лет,
не пристало полковнику плакать, да вот незадача –
ты мне сын, не по крови, - по духу, так можно поплачу?
Принеси мне «Джон Дэниэлс»**** парень, пойдучи, разберу пистолет.

** Главный герой фильма «Запах женщины»*

*** Полковник утверждал, что чека в момент взрыва была на месте.*

**** Чарли Симс - бедный студент, нанятый присмотреть за Фрэнком Слэйдом на день Благодарения.*

***** Так Фрэнк называет «Джек Дэниэлс»*

07.12.2012

За стеклом

Друг на друга смотрели в упор,
я задумчиво, он с укоризной.
Мол, - подруга, ты стала капризной
и несносной, такой разговор.
Позабыла цветной макинтош
и зеркальные, тёплые лужи,
и того, кто с тобой верно дружит... -
Мы смотрели в окно, я и дождь...

08.11.2012

Падаю в шахту вчерашнего снега

Падаю в шахту вчерашнего снега,
куда раньше меня свалилась ночь.
Хотела по лисьи достичь успеха, -
пришлось наплевать и весне помочь
растоптать этот холод, вплетённый в нервы
утром и пляшущей тишиной.
(Он ни последним не стал, ни первым, -
а только лучшим, что было со мной.)
Завтра слепило вчерашней новью,
неба простор обращался в дно...
То что, как будто, звалось любовью
может, не будет пресечено...

16.03.2012

Белое

Серая шкурка металась, продляя свой призрачный век,
среди прелых листьев и плесени, скрытая снегом.
Мёрзлый искрящийся саван её оберегом
мирно лежал животом на пожухшей осенней траве.
А над землёй лютовал балагур и проказник мороз,
гнал черно-бурых и рыжих кружить по округе...
Кто я? Та мышь, что покушать пошла на досуге -
или лиса, что в азартной охоте, наморщила нос?

Зимние вихри сегодня мне ближе весны,
праздно гуляю по снегу, сверлю небо взглядом,
нет никого на сто вёрст, да и впрочем, не надо,
мерно вдыхаю хмельной аромат тишины.

12.03.2012

Чайная церемония

Кружатся медленно чайные пружинки,
расправляясь, подобно сгорающей смятой бумаге,
меланхолично опускаются на дно.
Ведём церемониальные беседы,
ярко-зелёная долина делится с нами солнцем.

Ожидаем чуда, хозяин готовит чай –
горячий и трепещущий, как жизнь человеческая,
манящий и исчезающий –
всего несколько плотков дурманящих!
И вот уже время раскрылось подобно цветку –
нет прошлого, нет будущего,
есть только чистый ветер этого мгновения...

25.02.2012

...приземляться...

Научусь приземляться - полёты не будут страшны,
Можно брать бутерброд и айда в дирижабль на Аляску,
ту, где сани несут над землёй ясноглазые хаски,
где в реке моют золото вновь, с наступленьем весны.

Научусь тормозить и, мне скорость не будет страшна,
и сорвусь над асфальтом в стремительном, низком полёте,
и пока вы неспешно тепла и влюблённости ждёте –
я ускору на вечность своё наступление сна.

Научусь не жалеть и смогу отдавать без потерь,
свою жизнь, свою боль и свой снег, ранним взбалмошным утром,
и улыбку с лица, и свой солнечный луч – всё! Как будто-
жизнь полна, но пуста, ты не думай, не жди, просто верь.

05.12.2011

На время

Здесь спрессована грусть, над Невой в сером небе, а солнце –
редкий гость в пыльных окнах, где хозяйева свыклись с дождём.
Люди жмутся к перилам в метро, и шуршат: «Подожждём»
листья, сбитые в кучу граблями, а ветер смеётся
над продрогшим заливом и брызги плескает ковшом
мне в лицо. Чёрной птицей на руку спускается вечер,
он мне снова напомнит, что миг до безумья конечен,
ночь пройдет, и состав затеряется в мире большом,
по просторам неся своё мирное, вечное бремя...
Он всегда меня ждёт, но на время, всего лишь на время.

10.11.2011

Ничего, ничего

Ничего, ничего, эта ночь снова кончится утром
и в бескрайней пустыне морской всё же есть острова...
Через снег и ненастье пробьётся нежданно трава
и душа оживёт, и согреется сердце, как-будто

ты и не умирал от холодного слова вчера.
Будто солнце светило и не было на небе туч,
и не вешался этот шальной и не понятый луч,
что любил, но увидел убийство живого костра...

Ничего, ничего – это было, но было вчера...
Помолчим. Оживём. Будем жить. Доживём до утра...

21.07.2011

Апрель 18

Апрель 18. Ты сможешь понять мой пароль?
Холодный глинтвейн и на нотике «Бедная Саша».
Я стала сегодня ещё на одну мечту старше,
но возраст приносит с собою и мудрость и боль.

Апрель 19. Мне солнце слепило глаза,
как будто нарочно, ведь было уже, где укрыться,
брела по тропинке и думала: «Мне это снится!
Всё это всерьёз!» Но хоть слово боялась сказать,

разрушить ту зыбкую явь, где рождались мечты,
где солнце курносое, ветер блондин и мой ты.

01.06.2011

Убегаю в весну

Убегаю в весну, разрывая глухую вуаль,
замечаю по ходу, что двери беспечно открыты,
за которыми тёмная (светлая) даль, где я помню
тебя, где люблю, где собаки на месте зарыты,

и прозрачно ясна моей жизни земная орбита,
где дарились шарфы, как синоним заботы, тепла
потому что зима и её белоснежная свита
в сонном городе пляшет и правит... Была, я была,

настоящей была, до весны, до лихого побега
от тебя от себя в царство солнца и грязного снега,
первых птиц прилетевших и первых несмелых лучей...
Я сбегая из мира, а значит, теперь он ничей.

22.03.2011

Подорожник

Под асфальтом, как в тюрьме, томился подорожник,
И он хотел пробиться к свету, но не хватало сил.
А на земле, в который раз, купал растенья дождик
И счастье, радость, чистоту с собою приносил.
И вот однажды подорожнику приснился странный сон:
Воды напившись и умывшись, на солнце грелся он!
И так приятно было видеть и дождь, и солнца свет,
Но он проснулся...и увидел...дождливый, утренний рассвет!
А люди шли, о чем-то вдруг вздыхая.
Мол счастья нет, его ты в жизни не найдешь.
А лист на них смотрел не понимая,-
Ведь счастье - это солнца свет и теплый дождь!!!

2002

...если есть весна...

А если есть весна,
то зима нипочём,
если небо наклонится,
то придержим плечом,
если мир разлетится
на сто тысяч кусков,
мы построим себе новый,

и он будет таков:
тёплым летом остановится
круженье земли,
и синицы будут в небе,
а в руках журавли,
будет ярко красной
молодая заря,
а кораблики ручьями
доберутся в моря...

Мы отмоем небо,
сполоснём облака,
у коровок божьих
одолжим молока,
будем пить за радость,
будем пить за вас,
кого так любили
мы в последний раз.

25.03.2011

Галина Сахарова

г. Екатеринбург, Россия

Владимирским зодчим

Вот захожу под своды храма -
не богу - зодчему хвала!
Пусть, вместо льстивых фимиамов,
во мне звучат колокола.

И, стоя на оси центральной,
я запрокинула лицо,
туда, где кругом идеальным
подбарабанное кольцо.

Здесь стены выложены лепо,
сам купол - до седьмых небес,
как каравай ржаного хлеба -
и дар, и чудо из чудес.

Взметнулось тело за душою -
уже предчувствует крыла,
а храм белёсой берестой,*
как древо, в вечность прорастал.

*Древнерусские храмы сохранились без икон и побелены снаружи
и внутри.

16.10.2012

Осень Екатеринбурга

Видом – царица, взглядом – черница,
сеет и сеет свой дождь,
осень! И птица прочь устремится.
Чуда не ищешь, но ждёшь.

Рыжей лисицей, бурой куницей
в сквер прибежал листопад.
Ветер. За тучу солнце садится,
быстро сжигая закат.

Хмурые лица. Полу столица
Золушкой вышла на бал.
Поздно. Мыслям пора приземлиться,
сон ожидать их устал.

День растворится, день обновится
в этот жарптичий сезон.
Осень – личины, лики и лица.
Мокро, печально, свежо.

03.02.2013

Что-то не так

Споткнулась жизнь, часы ломаются
И ни вперёд, и ни назад,
А с «фэйса» пудра осыпается
И вечно зелен виноград.

Повисли мысли паутинами,
Старей, чем вечная Коко
И «нет, мне, мира под оливами»,
И ждёт Кораблик дураков.

Масштаб души до точки съёжился
И вектор взгляда не велик,
И зеркало мне корчит рожицы,
А, может, просто нервный тик.

Жизнь в чёрно-белое окрашена
И где-то Бледный Конь заржал...
Уеду, к чёрту, в Простоквашино –
Матроскин нынче приглашал.

26-7.03.2013

Сюрреальный сон

Дни итожатся и множатся,
пересматриваю их
и сдираю, словно кожицу
с апельсинов золотых.

Чтоб почистить все извилины,
мозг в ладонку положу,
он похож на птицу филина,
будто чучело держу.

Середину сердца алого
раскрываю как гранат,
вижу зёрна счастья шалого,
выбираю наугад.

А душа прозрачной капелькой
покатилась в нервный сон,
словно кто-то рядом маленький
плакал с жизнью в унисон.

21-2.11.2012

До встречи

*Цитаты из стихов Игоря Алексеева,
напечатанных в журнале «Новый мир» № 5, 2007 г.*

Быть поэтом – легко, быть не признанным – трудно,
Потому на Парнасе так шумно и людно:
Там в Кастальском ключе всем хватает водицы.
«Подожди полчаса, полдождя, полстраницы» –
Вдохновенье придёт ненадолго, случайно,
Ляжет стих на листок рядом с чашкою чайной
И останется здесь, а поэт – за строкою,
Где ни ночи, ни дня, только сущность покоя.
Дверь за ним затворив, не спешите проститься -
Он ещё прилетит к нам весенней синицей.
Может просто отстал он от дружеской стаи,
«Возвращаясь на голос, как птица слепая».

02-4.03.2013

Светлая весна

Подснежники радуют глаз, украшая опушки,
и слышится голос из леса далёкой кукушки.
Река разлилась – ледоходом отпущены воды
и нежится Дрёма под ласкою тёплой погоды.
Летят самолёты весь день, будто гуси, на север;
на солнечном месте трилистники выпустил клевер.
Проснувшись, свистит ветерок, подражая свирели
и ладят грачи на ветвях для птенцов колыбели.

19-20.09.2012

Прощай зима

Пол неба – летнее, пол неба - зимнее,
но по-весеннему звенят мобильные,
и в них чирикают надежды робкие
- Быть может встретимся? На сердце знобко мне!
А день нахмурился, сквозь дымку светится;
по февралю метель позёмкой вертится.
Зима кончается бесперспективная,
а в жизни хочется чего-то дивного,
но в руки падает не хлеб, а камешек –

добро б алмазный был, а то – окатышек.
И, что хочю найти в кофейной гущице,
не суеверная весны послушница?
Жду: птица синяя грачом закаркает,
мне счастья горсточку апрель накапает
и потекут ручьи, смывая прошлое...
Прощай, прощай, зима, всего хорошего

Немного слэнга в стихах о любви к деревне

Коровы с пастбища идут –
какая милая картина
и в строчку просятся куртины,
а рядом блещет тихий пруд.

Щербато корчатся мостки,
стоит рогоз, как чёрту свечки,
а я рифмую на овечку,
чтоб не свихнуть себе мозги.

Нет, мне в деревне хорошо,
и пусть не хмурятся пейзажи,
пустые вывернув карманы,
я буду рифмовать ишшо.

Люблю село, «без дураков»,
а кто плоды земли не любит!,
когда их солнце приголубит
и зреют темы для стихов.

Начало одиссеи

Замер гекзаметр на миг, окончив свою Илиаду.
К дому спешащий Арго, не скоро вернётся в Итаку.
Где-то там пряжу прядёт царица - жена Одиссея;
Будет не лишним признать как подвиг её ожиданье.
Троя разбита давно, у Музы другие сюжеты.
Дремлет под вечер Гомер, к стене прислонившись спиною,
А над Элладой закат подобен руну золотому.

01.2012/03.03.2012

Антон Соколов

г. Москва, Россия

Блудный сын

Сколько авторов есть, столько есть и мнений-
Каждый пишет жизнь, как с чистого листа.
И привычного конфликта поколений
Избежать - задача очень непростая...

На родителей мы дуемся сначала,
На детей – потом, родителями став.
Как бы строго нас судьба ни поучала,
Нарушать спешим семейный свой устав.

А родители, вложившие всю душу,
Из-за нас седеют с каждым днём сильней.
Но спокойствием пожар эмоций тушат,
Сберегая чадо мудростью своей.

Но когда проступки, прошлые ошибки
Жизнь кладёт на справедливости весы,
Становясь внутри опять ребёнком хлипким,
Вновь домой спешит вернуться блудный сын.

Павел Черкашин

г. Ханты-Мансийск, Россия

Русские хокку

*А мысли порой,
Как случайные ноты.
То проза, то стих.*

*Белой свечою
Колокольня над лесом.
Отрада в душе.*

*Вся исповедь зря,
Если сердце безмолвно. –
В раскаянье смысл.*

*Буквы и даты...
Тишь укрывает погост
Пеплом забвенья.*

*Густой бородач
Как увижу, так радость. –
Целительный вдох.*

*Ведаешь сроки?..
Властитель времени – Бог.
Ты – лишь часовщик.*

*Дальнее детство...
В памяти – солнечных дней
Радость босяя.*

*Ветер мне дарит
Пряность лугов заливных. –
Дни сенокоса.*

*День на исходе.
Вот уж горит окоём
Огненным углем.*

*Вновь шёпот ливней
Родины дальней моей
Песни напомнил.*

*Добрomyслие –
Посох в тернистом пути
В помощь молитве.*

*Душа убога,
Коль горда. Смиренная
Душа у Бога.*

*Каждый из грехов –
Есть гвоздь в запястье Бога.
Он же молоток.*

*Жёлтые листья...
Зная, что осень уже,
Плачет кузнецик.*

*Как зноен июнь!
Удивительно рано
Расцвёл иван-чай!*

*Жизнь угасает...
Но от судьбы перемен
Жду не напрасно!*

*Капля упала,
И запоздало волна
Берег лизнула.*

*Забытый костёр. –
Моховыми бровями
Нахмурился лес...*

*Клин лебединый. –
Снежные всполохи крыл
Сердце согрели.*

*Задумчив закат.
Мотыльки листопада
Мне шепчут: «Прощай!»*

*Кот на коленях,
Кофе забытый остыл... –
Час созерцанья.*

*Звон колокольный –
Призывный и благостный –
Душу врачует.*

*Крест придорожный...
Сокровенной молитвы
Возглас безмолвный.*

*Искушения –
Камни в карманах твоих.
Душе не взлететь.*

*Кривой от вина
С философией дружен.
Да грош ей цена!*

*Молнии росчерк...
Плачет соседский малыш,
Гроном испуган.*

*Ладони мои
В кровь истёрты о вёсла,
А дом всё далёк...*

*Лодка в тумане,
Редкие всплески весла
Явственно слышу.*

*Морошки пора.
Слитки ягод янтарны!
Лютует комар!*

*Локоны милой
До умопомраченья
Ласкаю, любя!*

*Нарисуй меня.
Хотя бы в акварели
С тобой останусь!*

*Любимый мой кедр
Молния выжгла до пня.
Орехов не жду.*

*Не ангелы мы.
Так не брезгуй свечой.
Молитва – твой друг.*

*Может, напрасно
Жду от судьбы перемен? –
Жизнь угасает...*

*Ночь над тайгою.
Жёлтым медвежьим клыком –
Месяц трёхдневный...*

*Молвы сторонюсь
Беспощадной и глупой.
Иначе – пропал.*

*Обижен судьбой? –
Полно сетовать, право.
Не сам ли виной?*

*Облако млеет
В свете вечерней зари.
Мне бы туда же!*

*Опусти ружьё! –
Прилетел последний стерх. –
Будь милосерден!*

*Полярные дни.
Попробуй, усни! И то –
Стеклянные сны.*

*Осенний туман.
Призрачно падает лист
На кружево мха.*

*Правда лишь в любви.
Куда бы ты по свету
Не ходил – люби!*

*Открыто окно.
Между мной и луною
Лишь занавеска...*

*Признание в любви –
Сокровенная тайна.
Ночной поцелуй.*

*Пекло иль стужа...
Чего убоишься ты,
То и воздастся.*

*Пуст карман? – Ликуй!
Куда вредней богатство:
Что ни рублик – спесь.*

*Покуда живёшь
На земле, человеке,
Оставь добрый след.*

*Пустая бутылка...
Увы – не молочная,
Увы – коньяка.*

*Полнолуние.
Росная ночь. На траве
Звёзд отраженье.*

*Разбуди огонь
В сердце своём, если спит.
Зачем тебе топь?*

*Репейник сухой
Только кажется мёртвым.
Зри в корень. Там – жизнь!*

*Столетняя ель,
Много былей ты знаешь.
Поведай их мне.*

*Родное крыльцо.
Голос каждой ступеньки
Так памятно мил.*

*Триединое
От происков бесовских –
Вот мой оберег.*

*С ржавчиной едкой
Только и можно сравнить
Зависть людскую.*

*Труд не напрасен,
Если душу ты вложишь.
Иначе он мёртв.*

*Скомканный лист
Бросила. Ветер унёс
Девичью тайну.*

*Ты осерчала,
Значит, очень сердечна! –
Смету черепки.*

*Слышишь ли стоны?.. –
Душа твоя, как бурлак,
В постромках грехов.*

*Хмурая осень.
Мокнет крапива... и вновь
Руки озябли.*

*Солнце укрылось
За косогором. И вновь –
Вечные звёзды.*

*Часовенки крест
Благодатным знаменьем
Напутствие дал.*

*Стебель пушицы...
Понял вдали, что и он –
Родины символ.*

*Шёпот кедрача:
– Шишка созрела! Бери!
– Спасибо, мой брат!*

*Юг или север,
Восход или закат... – Прощай!
Манит дорога.*

*Забывтый мотив
Незначай потревожил
Сон прожитых лет.*

*Я вздрогнул во сне
И очнулся в тревоге. –
Упала звезда.*

*Поступью лисьей
С беспощадною хваткой
Старость настигнет.*

*Щепотка счастья
На чан рутины кислой –
Похлёбка жизни.*

*Книжицу детства
В хламе чердачном нашёл. –
Не оторваться!*

*Много ли надо? –
Родины воздух вдохнёшь –
Музыка в сердце.*

*Мрачные мысли
Высветлит голосом мамы
Старый мобильник.*

*За шторами туч
Светит яркое солнце. –
Не стоит грустить.*

*Одиночество
И уединение.
Корень один, но...*

*Упала роса.
На лесной паутине
Алмазная пыль.*

*Январь утаил. –
Оказался сиренью
Раскидистый куст.*

*Как здорово, что
Начинается небо
От тверди земной.*

Наталья Эрбес

г. Тюмень, Россия

Быть может, это не любовь

Какое имя у моей тоски,
И можно ли назвать её любовью?
Она сродни отчаянью и боли
Всем доводам рассудка вопреки.

Во всем твои черты ищу опять,
Нет для тоски дорог, законов, правил,
Она моим воображеньем правит,
И не дает ему устать.

Мне не найти пустые уголки
В душе и в окружающем пространстве,
Она со мной с завидным постоянством.
Не отпускай, не разжимай руки.

Скажи, как имя у моей тоски.

Кто не жил, наверно, и неподсуден

Осень мягко стелет листом дороги,
Вольный ветер просится на постой.
Нам с вершины опыта все тревоги,
Может быть, покажутся суетой.

Не грусти о том, что нескладно прожил,
Что ошибок много насOVERSHAL,
Осознание их, может быть, дороже
Тех минут, когда спокойна душа.

Мы уйдем и, может быть, всё забудем,
Чтобы вновь начать с пустого листа.
Кто не жил, наверно, и неподсуден,
Кто не пел, тот, видно, и не летал.

Один лишь образ светит мне теперь

Один лишь образ светит мне теперь.
Он в уголке души, в её божнице.
А отражение его в страницах
Печальных книг открытий и потерь.

Везде, во всем ищу его черты
И, если нахожу, то принимаю.
Я сохраню до жизненного края
Тот светлый образ. Знаешь, это – ты.

Ангел мой

Ангел мой, спасибо за полёт
В темной небывало-звездной выси.
На Земле рассыпал кто-то бисер,
Он мерцает, словно вниз зовет.

Ангел мой, спасибо за урок.
Трудно быть прилежной ученицей,
Если видишь, опустив ресницы,
огоньки нехоженных дорог.

Ангел мой, спасибо за мечту,
Что вела меня, почти вслепую,
И за ту большую, неземную,
Виденную мною красоту.

Кто теперь её у нас отнимет?
Среди звёзд я вижу твоё имя.

Избранное

Марина Чекина

Знать бы...

Да, помотало «Секрет»,
Сплошь паруса побурели,
Алый утратили цвет...
Были и рифы, и мели.

Нет неоткрытых земель,
Разве что, самая малость.
Первых недель карамель
Приторной вдруг показалась.

Яхта, дающая крен,
Трётся у пирса без толка.
Умер бедняга Лонгрен,
Циммера скрипка умолкла.

Что нам любая беда,
Если заранее знать бы,
Что не случайно всегда
Сказка кончается свадьбой.

Игнатьева Татьяна

Так о чём это я?

Так о чём это я? Ах, ну, да – как всегда – о погоде...
Ты, наверное, даже представить не сможешь, как быстро
Чуть рождённые утром флюиды несмелых мелодий,
Пузырьась фейерверком в дневных ослепительных искрах,

Тем же вечером стелются под ноги пеплом остывшим.
Будто не было, не жило нежное-нежное эхо
Упорхнувшего дня. Зарастают терновником вишни.
Отмерять сумасшедшее время шагами не к спеху.

Мы несёмся по кругу, зашорены вздыбленным бытом,
Из замшелых архивов историй урвав вдохновение.
В затянувшейся пьесе представиться битым–не битым –
На ходу разрешаем, и гложут всё время сомненья.

Замереть, раздышаться, прислушаться, выспаться просто –
Не вмещается в логику, рушится с пол-оборота.
И сдирается, нервно сдирается с сердца короста,
Чтобы вновь кровоточило в нём сокровенное что-то.

И всё чаще мерещится миг, разрывающий морок.
Вот когда бы покрепче обнять заплутавшую смелость,
В раскалённые угли ступить и – за солнечный полог...
Так о чём это я?.. Извини, о погоде хотелось.

Линде Александр

Духовный воин

Духовный воин ангельского чина
стоит недвижно, только четок круг
перебирают пальцы, лба морщина
слабеет плавно. Тихий шепот губ
творит молитвенное слово.

В осенний день - звено всечасной брани,
лукавый дух готовит западню
для помыслов, спеша умело ранить
смертельным ядом, но врага возню
молитва отразить готова.

В себе не видя всходов покаянья,
грехов живых оплакивая тьму,
он повторяет глухо неустанно:
«О, Боже крепкий, зная суть мою,
помилуй, не суди сурово».

Духовный воин в черном облаченьи,
себя в себе стараясь побороть,
идет путем молитвенного бденья,
смирняя плоть, чтобы благий Господь
хранил и шаг, и помысел, и слово.

Подобед Алёна

Реальности несказочный разлом...

«Всё тайное когда-то станет явным»,
Да жаль, не все до правды доживут.
Она в легенду перельется плавно
И в то, что называют deja vu...

Гипотезы, легенды, мифы, сказки,
Реальности несказочный разлом...
Тянись и ты к добру не без опаски,
Вдруг это маска, что скрывает зло?

Не клянутся сюжеты без интриги.
Свист без нее - пустопорожний свист.
Но выдают адреналин не книги,
А шкурный страх - зануда-пессимист

И все, что ближе к телу, безусловно,
А не чужие тайные грехи...
И ты дыши, не раздражаясь, ровно
Как на хороших, так и на плохих:

Не ведая, творят и не со злости.
По глупости и скудости ума...

Что истина? Обглоданные кости,
Коль сладкой ложью полны закрома...

Батраченко Виктор

Падает снег

Зимняя ночь наступила давно.
Белые улицы... Белые крыши...
Падает снег. Мне поёт Адамо –
В белом безмолвии песенку слышу.

Мягкие хлопья мелодии в такт
Перемещаются в медленном танце...
«Падает снег» Адамо... Мне назад
Не возвратиться и не достучаться...

Мне б – не на много, всего - на часок.
Мигом домой заскочить за коньками,
И – на сверкающий лёд – на каток!
За руки взявшись, кружиться кругами...

Падает снег, мне поёт Адамо.
Тихо бредёт запоздалый прохожий
Падает снег... На немое кино
Или на сон это очень похоже...

Отпустило

Лепестков изящная закрутка
И – шипы... Они совсем - некстати.
Розы алые тебе принёс я утром.
Ты взяла, промолвив: «Может, хватит...».

Щедро Солнце в этот день весенний
Излучало свет, как по заказу.
Ты с утра была не в настроенье
И не улыбнулась мне ни разу...

Розы молча в хрустале грустили,
Понимая: повод есть для грусти.
Грусть бродила тихо по квартире...
Робко я надеялся: «Отпустит...»

Отпустило. Не узнав причины,
Вычеркнут тобою без проклятий...
Покупаю, как и все мужчины,
В праздник розы, помня: «Может, хватит...»

Судьбе наперекор

Собирался я неоднократно
Жить мечтой судьбе наперекор.
Только неудачны до сих пор
Все мои попытки. Вероятно,

Что впустую трачу я задор.

Есть судьбой очерченные рамки,
Чётко обозначенный сюжет –
Отклониться вариантов нет,
Рассыпаются мечты-обманки,
Не с руки с судьбой тягаться мне...

Расставаться тяжело с мечтами,
Ни за что не откажусь от них.
Неудача ждёт, но сладок миг
Ожидания. Ждать готов годами -
Победить судьбу соблазн велик!

Мой дом

Я не люблю серьёзных перемен:
Ремонтов, переездов, новоселий...
Не так уж плох мой дом, на самом деле, -
Проверено, что нет ушей у стен.

Привычен книг удобный беспорядок,
Прижился в платяном шкафу скелет...
Пусть кинет камень, у кого их нет!
Густ полумрак и запах пыли сладок...

Я не намерен ничего менять,
Уютен быт, отлаженный годами.
Пусть вещи исчезают временами,
Но возвращаются ко мне опять...

Вздыхает мегаполис за стеною,
Стекло в окошке разъедает смог...
Мой дом укрыть меня надёжно смог
От многих бед. Он до конца - со мною.

Королева Ольга

Лесное озеро

В полдень пирую с травами жрицей лесных племен.
Сосны, хрустя суставами, тянутся в небосклон.
Солнце встает над озером – будет денек хорош.
Жидкий туман молозивом льется в озерный ковш.

Пень на мысу поломанный сушит седой колтун.
Волны бегут с поклонами: это гроза Перун
Сделал из елки идола с ящерицей в ногах,
Чтобы он был невидимым, прелью и хвоей пах.

Ветер ко мне приносится, словно горячий конь.
Жмурит глаза раскосые, морду кладет в ладонь.
Глажу со смехом ласково шею его и грудь.
Прыгаю ветру на спину: к западу держим путь.

Предки друиды, рубища обожествив древес,
Ждали лесного чудища – полностью из очес.
В ворохе, в небо пущенном, лиственного гнилья –
Ведьма летит над кущами. Боже мой! это я.

Утро Гипербореи

Сквозь тумана густое мыло
Проникая в чащобный сон,
Пробирается свет-Ярило
По ущельям древесных крон.

Осушает ночные росы,
И листвы кружевной навес...
А когда опускает посох -
Всю труху осыпает лес.

Сон слетает, и брезжит память
О картинах былых эпох:
Валунами, как черепами,
Устиляется рыжий мох;

Над заливом, как привиденья,
Выступая из темноты,
Кряжей древние поколенья
Расправляют свои хребты.

Лесные подснежники

По майской тропе берендея,
Опутанной прелой травой,
Ладони на солнышке грея,
Шел в ельнике дождик грибной.

Он вился в еловом подлеске,
Ходил за собой по пятам;
Стучал и просился по-детски
Под хвойную крышу к цветам.

Поверив, что в листьях созревших
Горит настоящий огонь –
Он в белую россыпь несмело
Протягивал сверху ладонь.

Сияли цветочные лица –
Мол, есть в теремочке места!
И дождь поспешил наклониться,
Вошел в него... и перестал.

Шацких Елена**Улетала душа***Любимому папочке*

Улетала душа неохотно из тела,
Очень медленно, словно уставшая птица.
Улетать в неизвестность душа не хотела,
А хотела навстречу далеким зарницам.

В дождевых облаках позапутались звезды,
Кучевые барашки луну закружили.
Улетать в никуда оказалось непросто,
Растворяться в пространстве едва ли под силу.

От вибраций последнего стога и вздоха,
От последней конвульсии брэнного тела
Всем живым так пронзительно горько и плохо,
А душа в бесконечность свою улетела.

Улетела из теплого светлого дома,
Воспарила туда, где ни слез и ни боли.
И затихли раскаты далекого грома,
Только облаком грусть на вселенском просторе.

Я уйду от тебя

Я уйду от тебя, не дождавшись рассвета,
Потихоньку, как призрак в ночи, не обнявшись,
И оставлю вопросы твои без ответа –
Почему мы расстались, едва повстречавшись.

Ты проснешься под утро один в этой спальне,
Где весь воздух пропитан тобою и мною,
Где царили любовь и печаль изначально,
А теперь лишь обломки разрушенной Трои.

Ты проснешься один, замерзая под пледом,
Я оставлю лишь запах волос на подушке,
За окном отголоски ушедшего лета,
И прилипшая к окнам листва, как веснушки.

Уходя, я тебе подарила прощенье
За несбыточность всех обещаний на свете.
Я ушла без надрыва и без сожаленья,
Ведь мужчины бывают, как малые дети.

Марине Мануйловой

Светлой памяти Марины Мануйловой посвящается.

Недели не прошло, как ты звонила.
Я помню наш короткий разговор.
Ты просто говорила, не скулила,
Про сделанный врачами приговор.
«Мне жить от пары месяцев до года» -
Спокойно и без слез сказала ты,
Как будто это не твои невзгоды,
Как будто страшной не было беды.
Ни тени обреченности и страха
Уйти и не вернуться никогда.
Ты верила, как девочка из сказки,
Что где-то есть счастливая звезда.
«Я проживу не месяц, год - не меньше,
Как десять самых ярких в жизни лет,
Без суеты ненужной и без спешки,
Своим теплом согрею целый свет!»

Но ты ушла, не из сердец, из жизни,
Которую любила, как могла.
И все слова бессмысленны и лишни
Лишь потому, что ты теперь была.

29 июня 2009 года. Москва.

Павловский Влад

Ода Илье Ивановичу Муромцу

Патетику в чарку налью, к медовым устам поднесу,
 Восславлю героя Илью, он мясо вернул в колбасу.
 Затем, не щадя живота, иными делами прирос,
 И если не врёт береста, решил вековечный вопрос.
 Пускай это было давно, читаю, что сей богатырь
 Зачистил от гнили бревно и вырезал буквы «НЕ ТЫРЬ!»
 Велел заповедный народ, который не там, и не тут,
 Козлов не пускать в огород, иначе капусту сметут.
 Встряхни болтуна-петуха, чубатый не ведает лжи.
 Который жилец без греха? Замазаны все этажи.
 Беда от вершин до низин, до самых простых мужиков,
 Об этом писал Карамзин, об этом глаголет Сурков.
 Полно в околотке ворья, иным беспрестанно несут,
 Но Муромец пёр соловья-мздоимца на княжеский суд.
 Навалом у нас упырей, пригреблись на отчей груди,
 Ломают замки у дверей, и всё на продажу... Гляди!
 Сегодня любой индивид, готовый наделать с крыльца,
 Имеет немуромский вид и гранты от их юрлица.
 Но сколько ты нас не тряси, не верим заморской орде,
 Тревога одна на Руси: куда подколотную деть?
 Отщипан от матушки клок, не поймана гнида – не вор,
 А души найдут потолок, озвучен для них приговор.
 Иванович знамо не кот, но выдать ему молоко,
 Тянуть соловья из болот во все времена нелегко.

Один ведёт себя как стерх

Один ведёт себя как стерх
 Среди подонков и подлиз,
 Упрямо прёт на самый верх
 По лестнице, ведущей вниз.

Другой повёлся и раскис,
 И свет в глазах его померк,
 Он обречён спускаться вниз
 По лестнице, ведущей вверх.

А ты, мой друг, душой расти,
 Забудь гордыню и печаль,
 Ты волен счастье обрести
 В пыли дорог, ведущих вдаль...

Кукол Оксана

Екклесиаст

Восходит Солнце, полнятся моря,
И дух вернётся на круги своя.
Екклесиаст рече - всё суета,
Ничто не ново в токе бытия.

Что пользы человеку от трудов,
Скота, колодцев, пажитей, садов?
Умножь познания, и приложишь скорби,
И род преидёт во множестве родов.

Цветут ланиты, веселят уста -
Сойдёшь в могилу, персть и нагота.
Кто попечется о твоём богатстве?
И паки повторю - всё суета!

Ошую безумного пути,
Не вынесет и малого в горсти.
Мудрец по сердцу одесную станет,
Чтоб заповеди Бога соблюсти.

Не оскудей елеем на челе,
Трудись по силам в добром ремесле.
Нет власти в смерти, нет и избавленья -
Да будет кроткий радостен вдвойне.

Не дай во зло единого перста,
Сугубо повторю - всё суета!
В излишнем мудровании лукавство,
Довлеет миру Божья простота.

Город

Мой зверь, мой кобель паршивый,
Мой раненый мегаполис,
Буксующий сплав машинный
Как лес корабельный, то есть -
Заторный и немобильный,
Закупоренный в застенки,
Мой зверь, мой гранит могильный
В урчащем нутре подземки.
Отравлена и оглохла...
О, Боже, во мне воскресни,
Покуда ещё не сдохла
Душа в инвалидном кресле!
Сквозь пыльный угар столицы
Позволь обновлённым глазом
Увидеть живые лица
В потоке противогаров...

Содержание

Абайкина Ольга

Перенесу огонь через порог	5
Как тайга, мой зарок дремучий	5
Что делать мне с божественной искрой	6
Затуманилось, задождило	6
Средь буйства зелени и света	7
Весну я уверяла, что блесну	8
На меня набросилась природа	8
От декабря и до апреля	8
Утро начиная с анальгина	9
Я знаю: огонь, что пылает в груди	10
Я бегала к тебе украдкой	10
Ожидание с безнадёгой	11
Во всех направленьях раскиданы грабли	12
Лето жаркое. Я вся в белом	12
На танец ветра в облаках	13
Я тебе подарю всё, что есть у меня	13
Стадо держит пастух. Стае нужен вожак	14

Бенд Татьяна

Романс	15
Мне нравится	15
Летящая по волнам памяти	16
Лилит в пути	16
Гадание со свечой	17
Кровавые гиацинты	17
Жемчуг и синь	18
Прогулка по Парижу	19
Вернись, вернись... Романс	19

Бузычкин Сергей

Блюз о блюзе	20
Охотники на драконов	21
Тишина и дзэн	21
Свобода и мы	22
Посвящение шуту	23
32	23
Монолог старого поэта	24
Диалог с Фаустом	25

Ворошилов Сергей

Белым мороком	26
Ноябрь в Заонежье	26
По Первоledью	27
Осенние колокола	28
Перышко	28
Этюд в пастельных тонах	29
По кадрам памяти	30
Двенадцать лет спустя	30

Глухов Сергей

Холод.....	32
Далеко от дома	32
Библис	33
Скорбь любви	34
Любовь обращается в бегство	34
Ты любишь гороскопы и кино	35
Нежно прикоснусь к твоим губам	35
Я с тобой никогда	36
Ты молчи, вот сейчас говорить не надо	37
Вечер лета, жар июня.....	37

Жуков Максим

Неужели это было	38
Под Есенина	38
О, друг, благословенны ночи	39
В саду	39
Самая лучшая	39
Любимая, напрасны те мечты	40
Тропинки	40
***	40
Философия жизни	41

Колонов Сергей

Золотая моя стрекоза.....	42
Выбирать в пустоте легко.....	42
Подражая Мандельштаму	43
Что-то из прошлого	43
Бывает так.....	44
От встречи с тобой и до встречи	44

Ты как цветок45
Из строки Пастернака45

Кутасевич Юрий

Апарт46
Первая электричка47
Доярку добром поминая47
Утро48
***49
Летнее49

Лупоков Александр

Возвращение50
Фламенко50
Ангел-хранитель51
Каракумы51
Рубаи52
Японские сонеты53
Танка (Японские пятистишия)54

Мальцева /Маркус/ Галина

Зонты56
Всё хорошо57
Если... ..	.57
О будущей весне58

Наволокина Наталия

Я умру в мезозое... ..	.59
Фокус59
Жаль... ..	.60
Остекленевшее60
На грани60
ПАПУасы61
Былое и думы61
Абсурдное62

Нелюбова Юлия

...от себя...	.63
Предвесеннее...	.63
Апрель наступал	.64
Ворона	.64
Фрэнк Слэйд	.64
За стеклом	.65
Падаю в шахту вчерашнего снега	.66
Белое	.66
Чайная церемония	.66
...приземляться...	.67
На время	.67
Ничего, ничего	.68
Апрель 18	.68
Убегаю в весну	.68
Подорожник	.69
...если есть весна...	.69

Сахарова Галина

Владимирским зодчим	.71
Осень Екатеринбурга	.71
Что-то не так	.72
Сюрреальный сон	.72
До встречи	.73
Светлая весна	.73
Прощай зима	.73
Немного слэнга в стихах о любви к деревне	.74
Начало одиссеи	.74

Соколов Антон

Блудный сын	.75
-------------	-----

Черкашин Павел

Русские хокку	.76
---------------	-----

Эрбес Наталья

Быть может, это не любовь	.82
Кто не жил, наверно, и неподсуден	.82
Один лишь образ светит мне теперь	.83
Ангел мой	.83

Избранное**Чекина Марина**

Знать бы...84

Игнатьева Татьяна

Так о чём это я?84

Линде Александр

Духовный воин85

Подобед Алёна

Реальности несказочный разлом...86

Батраченко Виктор

Падает снег86

Отпустило87

Судьбе наперекор87

Что впустую трачу я задор88

Мой дом88

Королева Ольга

Лесное озеро89

Утро Гипербореи89

Лесные подснежники90

Шацких Елена

Улетала душа91

Я уйду от тебя91

Марине Мануйловой92

Павловский Влад

Ода Илье Ивановичу Муромцу93

Один ведёт себя как стерх93

Кукол Оксана

Екклесиаст94

Город94

